

«БИБЛИОТЕКА СЕМЕЙНОГО РОМАНА»

Владимир

ЧУГУНОВ

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ
АПОКАЛИПСИС

Библиотека семейного романа

Владимир Чугунов

Провинциальный апокалипсис

МОФ «Родное пепелище»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6

Чугунов В. А.

Провинциальный апокалипсис / В. А. Чугунов — МОФ «Родное
пепелище», 2017 — (Библиотека семейного романа)

ISBN 978-5-98948-075-3

В одном из малых городов России на протяжении нескольких лет бесчинствует преступная группировка. Преступники безнаказанно калечат и даже убивают людей, а им за это ничего не бывает. Они держат в страхе весь район. Люди боятся обращаться в полицию, которая эти беззакония покрывает, работая по отлаженной схеме, в том числе и в спайке с недобросовестными врачами. Но однажды среди очередных жертв оказывается сын сельского священника. В отличие от своих пострадавших друзей молодой человек не боится писать заявление в полицию. И с этой минуты начинается хождение по кругам ада не только его самого, но и всей семьи. То, с чем они столкнутся, не приснилось бы им и в кошмарном сне. Но иначе они поступить не могут. С надеждой на помощь свыше они решают идти до конца даже после того как на членов семьи устраиваются покушения. Через постепенное погружение в реалии «провинциального апокалипсиса» отцу семейства, от лица которого ведётся повествование, открывается смысл происходящего не только в своём городке, но и во всей России и во всём мире в целом.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-98948-075-3

© Чугунов В. А., 2017

© МОФ «Родное пепелище», 2017

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владимир Чугунов

Провинциальный апокалипсис

Часть первая

1

2 ноября 2013 года, в субботу, когда в половине восьмого утра я шёл на вселенскую заупокойную литургию, установленную в память Куликовской битвы, позвонила Даша и сообщила, что вместо неё приедет Лера.

– Почему? – скорее по инерции, чем по необходимости спросил я: обе дочери пели на клиросе попеременно.

– Ты разве не знаешь?

Знакомый с детства голос дрогнул так, что у меня едва не остановилось сердце.

– Что? – казалось, всего лишь подумал я.

– Алёшу избили.

Я замер на полушаге.

– Где? Когда? Ну говори же!

– Ночью, в «Форварде».

– Что ещё за «Форвард»?

– Клуб ночной.

Что?! Алёшка был в ночном клубе? Это просто не укладывалось в голове. А перед глазами уже маячили телевизионные картинки ночных оргий под оглушительный барабанный бой, вспышки цветомузыки, пьяные орды, подпольные наркопритоны, ночные бабочки, драки... Да, но мой сын, и не просто, а сын священника... стало быть, втайне от нас... Я был убит и едва смог выговорить:

– Ну и?..

– Еду за ним в больницу.

– Не положили?

– Нет.

– Хорошо.

Я перевёл дух. Не положили, стало быть, ничего опасного. Ну, и урок на будущее. И тут же вспомнил, как вчера вечером Алёшка собирался ехать в райцентр на день рождения приятеля по университету. Стало быть, после вечеринки в ночной клуб подались. Поди, всей компанией и получили. И поделом.

Но беспокойство не проходило.

Народу пришло немного, а точнее, все, кто мог, поскольку заупокойные службы справлялись всем миром неукоснительно. За двадцать два года практически вымерла вся округа. Когда я прибыл сюда служить, а точнее, прилетел на крыльях веры и надежды в грядущее воскресение России, в школе было два выпускных класса по тридцать учеников, теперь – один, и тот, собранный из трёх окрестных школ, в прошлом году состоял из девяти, а в этом вообще из шести выпускников. Всё это время я только и делал, что отпевал. Крещений и венчаний год от году становилось всё меньше, а теперь и того и другого по одному, по два в год, и то приезжие, поскольку храм наш старинный, и хотя не единожды грабленный, тем не менее ещё сохранивший бесценное убранство старины.

Когда вернулся со службы, дома только и разговора было о случившемся. Моя бедная Катя была сплошное переживание. В такие минуты она становилась безгласной. Добиться каких-либо внятных объяснений было немыслимо. В её изученной до последней черты душе, а значит, в глазах, можно было прочесть лишь одно слово – ужас. И это в очередной раз подхлестнуло во мне подымающееся возмущение. За сорок лет совместной жизни, да ещё с пятидесятью детьми, чего только не бывало, и ни разу под ударом судьбы я не прогнулся. *Моя жизнь во Христе*, как и моего великого тёзки из мятежного Кронштадта, приучила ни при каких обстоятельствах духом не падать, а это всегда начиналось с внутреннего возмущения и только придавало силы.

Однако время шло, а сына всё не было. Катя сказала, у Даши заснул. Уснул, подумал, стало быть, дело на поправку, и ушел к себе. С недавних пор у меня появился свой угол. Две старшие дочери давно определились и жили своими семьями в райцентре, в нашем некогда славном, а ныне захудалом городке, кстати, летописцем не раз упомянутом.

Каково же было моё удивление, когда в половине третьего в комнату вошла Катя. Глянув на неё, я даже возмутился:

– Может, хватит?

– Иди сам посмотри.

Шум подъехавшего автомобиля, стук двери, беспокойные голоса в коридоре я, разумеется, слышал, а также – возню и лёгкий удар по стене, очевидно, локтем в соседней комнате, куда определили сына (это была их с Мишей, младшим, комната), и не пошёл сразу потому лишь, чтобы дать сыну понять, что видеть его не могу, хотя, признаться, и очень хотелось. Но я себя знал. Прежде чем устроить провинившемуся выволочку, надо было успокоиться и, само собой, помолиться, что и собирался сделать, но появилась Катя.

– Ну хорошо, хорошо, пошли, – не убавляя громкости, сказал я и вышел за нею следом.

Перед входом в мальчишечью комнату Катя остановилась, пропуская меня вперёд. Кулаки её были прижаты к груди, что выдавало крайнюю степень горести. Я покачал головой и вошел, а войдя, тут же замер.

Алёшка лежал на своем топчане, на спине, головой к окну. Из обеих ноздрей распухшего носа, из правого уха торчали кровавые ватные тампоны. Кровавая гематома из правого глаза свисала на нижнее веко, белки тоже были налиты тёмной кровью, а вокруг глаз синяки – «очки», как объяснил позже знакомый невропатолог. По ходу осмотра выяснилось, что голова у сына вся в шишках, а лицо, туловище, руки и ноги сплошь в синяках и ссадинах. Доставляли мучения ужасные головные боли, и вообще не было живого места от побоев. Сын не мог жевать, так как и зубы шатались и болели, но, слава Богу, были целы. Донимала острая боль в позвоночнике выше поясницы, причинял страдания указательный палец правой руки – и палец действительно был распухший и кривой. Сын пребывал в полусознательном состоянии и постоянно впадал в забытие, а если хотел что-то сказать, долго думал и говорил нечленораздельно.

Катя осталась с ним, а я вышел на кухню, где за столом сидели Даша с мужем Игорем.

Я спросил дочь как можно подробнее всё рассказать.

И тогда с присущей её характеру эмоциональностью она заговорила. Да как! Мне постоянно приходилось её останавливать и переспрашивать, поскольку, потрясённая случившимся, она то и дело перескакивала с одного на другое, и не могла удержаться от комментариев.

И вот какая из всего этого вырисовывалась чудовищная картина.

2

Примерно в половине третьего ночи Даше позвонил младший зять Гена и огорошил, заявив, что Алёшку сильно избили у ночного клуба и что он сейчас едет следом за скорой в ЦРБ. Как он там оказался, Даша не спросила и сразу принялась названивать в приемный покой.

Сначала ей ответили, что парнишка без сознания. Около четырёх Даша позвонила опять. Ей ответили, что пришел в себя, но его сильно рвет, и велели позвонить в семь.

В семь сказали, что парню делают снимок, и велели позвонить позже. В половине восьмого тот же женский голос ответил: «Подождите... – И Даша услышала отдалённый разговор: – Куда больного? Сестра звонит. – И когда мужским голосом отозвались: «Домой», – в трубку сказали: – Забирайте, у него все в порядке».

– Мы сразу в приемный покой. Входим, смотрю, у стены, на лавке, бомж какой-то сидит с опухшей физиономией, из носа, из правого уха кровавые тампоны торчат, весь в крови, в грязи. Я даже по куртке его не узнала. Рядом два милиционера стояли и ещё какой-то обколотый сидел, говоривший одному милиционеру, что всё видел. Прохожу мимо, заглядываю в ординаторскую, сидит медсестра. Вам чего, спрашивает? Говорю, за братом приехала. Так забирайте. А где он? Так вон же на лавке сидит. Я чуть не упала: всё в порядке! Вы, говорю, издеваетесь, что ли? Это, по-вашему, всё в порядке? А ну позовите врача! «Врач занят. Не одни вы тут такие». Да как, говорю, вы можете выпроваживать такого больного человека? А она мне (представляешь, папенька?): «Хватит! – И Даша махнула рукой, изображая медсестру. – Наотдыхался! И так он у нас тут всю палату кровью залил!» Я говорю: «Скажите фамилию врача». – «Это ещё зачем?» – «Хочу знать, какой такой врач ничего опасного во всём этом не нашел». – «Ничего я вам не скажу. И вообще, закройте дверь». Я, говорю, на вас буду жаловаться! «Да хоть папе Римскому!» И дверь захлопнула. Ничего себе, думаю, больница! А тут ещё милиционер этот: «Хватит, гражданочка, шуметь, не мешайте людям работать, а родственника своего везите в отделение». – «Зачем?» – «Для опроса. И заявление... будете писать? Я, так понимаю, у него телефон пропал. Будем разбираться». – «Что, в таком состоянии?» – «В каком? Вы слышали, что вам сказали? У него всё в порядке. И справка есть». – «Покажите». – «В отделении покажу». Говорю: «Вы это серьёзно? Да он еле сидит!» – «Ничего. Пить меньше надо. Чтобы через десять минут были».

– Ну что, думаю, надо ехать. Выводим его под руки (сам он передвигаться не мог, только по стенке), подводим к машине, на свету глянула – о Боже! – а у него и на лице и на оголенных местах шеи отпечатки и вмятины от каблучков. Спрашиваю: «Алеша, что случилось?» Вижу, напрягается что-то сказать и не может. И тут его стало наизнанку выворачивать. Да всё желчью. Усадили мы его наконец. Говорит: «Пить хочу». Заехали в магазин, купили воды. Глотнул. И опять его мутить стало. Дала ему целлофановый пакет. Рассказать толком ничего не может. Как заторможенный. Поняла только, что врач сказал ему, что нос сломан, но ничего, ровный, срастётся. И всё, спрашиваю? Да, говорит. Приезжаем в дежурную часть. Ведём его под руки. Направляют нас в комнату участковых. Заходим. Заглядывает Гена. Выхожу к нему в коридор. Говорит, когда вчера приехал в ЦРБ, буквально следом за ним появился один из тех, кто был на месте происшествия. Зашёл в ординаторскую и пробыл там минут пять. Затем уехал. Назвал фамилию, какой-то Гнездилов. У них, говорит, там целая банда. Травкой не то балуются, не то торгуют, не поняла, да лохов на выпивку разводят. И нашего, видно, за лоха приняли и решили развести. А главный у них какой-то Чика, мент бывший. Говорят, дверь в полицию ногой открывает. Вряд ли, говорит, мы тут чего-нибудь добьёмся. Представляешь, папенька? Офонареть!

– А Гена там как очутился?

– Алёшка ему из клуба позвонил и попросил приехать. Сказал, проблемы у него, а какие, не сказал. Если бы сказал, меня избили, я бы, говорит Гена, сразу наряд вызвал. А по голосу (языком еле ворочал) решил, хватил лишнего и закусился с кем-нибудь. Надо, подумал, взять кого-нибудь для подмоги. За Корягиным заехал. Звонит Алёшке: подъезжаем, мол, выходи. А не сказал, что машину не у входа, а за клубом, у мойки поставит. Пива, говорит, после работы выпил, мало ли чего... Приехали, стоят, ждут. Минут пять прошло. Алёшки всё нет. Выходят они из машины – и слышат, что между оградой стоянки и клубом, в неосвещенном месте, крики. Бегут. Видят, толпа народа. Алёшка на спине лежит. Гена, правда, сначала не подумал, что это Алёшка, мимо пробежал, к охранникам, они у входа в клуб стояли. Чего, кричит им, стойте, смотрите? Полицию вызывайте! Возвращается назад. Глядит – точно Алёшка. Без сознания. Кто-то ему голову держит, чтобы кровью не захлебнулся: из носа хлестала. Время идёт. Ни полиции, ни скорой. Появляется этот Гнездилов, спрашивает Гену: «Твой?» Сам, говорит, виноват, ходил и на всех залу... задирался, в смысле... Гена спрашивает, и кто его так? А я, говорит, откуда знаю? Сам только что подошел. Одноклассника тут бывшего Гена приметил. Костылёв фамилия, а кличка Костыль. Подхожу, говорит, к нему, спрашиваю, кто парня избил? Так, говорит, я тебе и сказал. А я знаю, Гена говорит, что он сидел, и теперь у него срок отложенный. Тут кто-то крикнул: «Менты!» И все стали разбегаться. Подъехала скорая. Когда Алёшку грузили, в ней ещё один избитый сидел. Друг Алёшкин, с которым они после дня рождения в клуб пошли. Вроде бы ещё одному досталось, но не сильно, и того охранники ещё до этого успели выпустить через чёрный ход. Ещё вроде бы один с ними был, но тому вообще ничего. Лёгким испугом отделался... И Чика, спрашиваю, там был? Говорит, я не видел, но от кого-то слышал, что вроде бы со стороны за всем этим наблюдал и руководил. Камеры же там кругом. А он всё-таки мент бывший, привык шифроваться. Капюшон на глаза надвинет, и ни за что не догадаешься, кто такой. А эти, спрашиваю, что, совсем обнаглели, ничего не боятся? Выходит, говорит, что так. Один из них вроде бы даже заявил Алёшке в клубе, когда всё только начиналось, что он его убьёт и ему за это ничего не будет. Вроде бы кто-то даже слышал, как кто-то из них кричал в клубе, что завтра у него суд, но он на него не пойдёт, а до кучи ещё нашего Алёшку зареет.

– За что?

– И я спросила. А я, говорит, откуда знаю? Сейчас опрашивать будут, узнаешь. Ушел. Стали Алёшку опрашивать... Папенька, целых четыре часа!.. Два слова скажет, положит голову на стол и отключается. Да несколько раз на улицу мы его водили, урна у них там. Потом заявления писать стали. Сначала одно, потом второе по поводу телефона. А в медицинской справке знаешь, что было написано? Ушиб мягких тканей. Да ещё текст заявления сотрудник этот сам написал. А то, видите ли, таким заявлением, как было на самом деле, мы можем якобы невиновных людей под серьёзную статью подвести! Это, папенька, что? Они с бандитами заодно, что ли?

Что я мог на это ответить? У меня самого все это не укладывалось в голове.

Даша продолжала:

– Я говорю, там камеры видеонаблюдения кругом, надо видео из клуба взять. Он даже внимания на это не обратил. Встал, говорит, везите его к клубу. Я спрашиваю, это ещё зачем? На следственные действия. Какие, говорю, ещё следственные действия? Вы издеваетесь, что ли? Вы посмотрите на него! Он даже и слушать не хочет. Чтобы, говорит, через пять минут были. Куда деваться? Поехали. Приезжаем. Говорит Алёшке: выйдите из машины. А он по дороге отключился. Разбудите, говорит, его. Растролкали. А он никакой. Приехавшая с ним сотрудница на Алёшку глянула и говорит: «Зачем вы его сюда в таком состоянии привезли? Его срочно в больницу надо. Я не буду проводить следственные действия». Тогда этот по территории походил. Телефон искал. Какую-то бумажку составил. Подписывай, Алёшке говорит. Я спрашиваю, что за документ? Дайте прочитать. Не дал. Алёшка подписал. И заявление тоже.

Я так поняла, ему всё равно уже было, лишь бы отвязались поскорей... Остались мы одни. Алешка говорит: «Даш, у меня такое ощущение, что сейчас голова лопнет». Заехали в аптеку, купила я пентальгин. Алешка принял пару таблеток. Гляжу на него и думаю, с маменькой плохо станет, когда она его таким увидит. Повезли к нам. Дала ему Игореву рубашку, брюки. Переоделся он, прилёг на диван и сразу отключился. Пусть, думаю, поспит. Пару раз заходила послушать, дышит ли. В третий раз захожу, а он хрипит. Я так перепугалась! Думаю, всё, умирает! Давай его тормошить. Он глаза приоткрыл, но тут же опять отключился. Грязную одежду я в пакет сложила и маменьке отдала. Может, для следствия понадобится. Она его прибрала.

3

Поскольку начало не предвещало ничего хорошего, мы оказались в затруднительном положении, не зная, что делать дальше. И, так ничего не решив, распрощались до завтра. Даша с Игорем уехали. Дома их ждали двое – двенадцати и девяти лет – совершенно не предсказуемых на выдумки сыновей.

Я ушел на службу, где меня дожидалась начавшая выходить из терпения Лера – стрелка часов уже перевалила за пять. Двух своих дочерей дошкольного возраста она оставила на Гену, а завтра собиралась приехать вместе с ними, и Даша со своими, вообще все, надо было что-то срочно предпринимать.

Несмотря на поднявшееся в начале возмущение, вид сына и особенно Дашин рассказ начали погружать меня в состояние выброшенного за борт в бушующий океан незадачливого пассажира. И сколько бы я ни успокаивал себя, какие бы ни придумывал объяснения, легче не становилось.

Нетрудно представить, что это была за служба. Я действовал как в чаду, словно робот говорил ектеньи, механически вынимал частички из просфор, выходил на чтение евангелия на середину храма, помазывал прихожан елеем. После вчерашней службы пришло всего пять человек, так что вскоре я опять оказался в алтаре наедине с самим собой. Это становилось невыносимым. И чтобы убить время, я вышел читать канон, что делал и прежде, особенно в первые годы служения в подражание тому же великому тёзке из Кронштадта, но теперь даже это не помогло. Я оглашал на весь храм тропари, а ничего из того, что читал, не слышал. Я даже не помнил, о чём было «воскресное евангелие». И какие после «третьего, шестого и девятого часа» делать возгласы, долго соображал. А на «Честнейшую» (хвалебную песнь в честь Девы Марии) вообще забыл покадить алтарь. Только когда запели «Величит душа моя Господа...» и я поднял глаза к нашей старинной иконе, перед которой о чём и о ком только не приходилось просить, моего сердца словно что-то коснулось. И я уже не мог удержать слёз, и так, стыдясь и стараясь их скрыть, как можно ниже опуская голову, совершил каждение храма и, вернувшись в алтарь, уже не выходил из него до конца всенощного бдения, и то стоял на коленях, уткнувшись лбом в сложенные крестообразно на углу престола кисти рук, что-то несвязное бормоча, а то стоял за престолом у огромного распятия, со стороны своего ещё более великого тёзки, и от крайней горести не мог произнести ни слова. В девятом часу вышли на улицу. Было пасмурно. Ночь наступала, и село казалось совершенно безлюдным. Дачники разъехались давно, и даже в ближайших к храму домах не было света. Уличных фонарей на всё село два – у входа на территорию храма да на автобусной остановке, а больше тут и освещать нечего.

Лера уехала, так ничего от меня не добившись, да и спешила, да и чего бы я ей мог сказать?

Когда вернулся домой, Катя собиралась в дорогу. Оказывается, сыну стало так плохо, что она решила сама везти его в ЦРБ, чтобы настоять на госпитализации, а заодно и с врачом поговорить. Для этой цели она попросила приехать Гену, понимая, что мне надо готовиться к завтрашней службе – на всех у неё хватало заботы, а потому и сердце никуда.

Около девяти подъехал Гена. Катя попросила их с Алешкой благословить. Я перекрестил их издали. Не нашел силы подойти ближе.

Они уехали. И вскоре в моем сердце опять замаячил лучик надежды. Авось госпитализируют на этот раз, уж кто-кто, а Катя находить общий язык умеет. Она любое окаменелое сердце способна смягчить. И это не хвастовство. За двадцать два года чего только не вынесла от меня округа, в какие только безвыходные ситуации по чрезмерной ревности я не попадал, и всегда в критическую минуту приходила на помощь моя Катя.

С несколько успокоенным сердцем я встал на молитву. И уже подходил к концу правила, когда завертелся на столе сотовый телефон.

Звонила Катя. И сразу ошеломила:

– Не положили. Даже в кабинет не пустил меня дежурный хирург. Фамилия Зайлер. Выйдите, говорит, гражданочка в коридор и не мешайте осмотр делать. Ну что, выхожу, сижу. Через десять минут появляется Лёша. Ну что, спрашиваю? Бумажку с рецептом протягивает: «Лекарство, говорит, выписали». Я в кабинет. Извините, говорю, за беспокойство, а можно с вами поговорить? А хирург: «А-а, это опять вы? Не о чем нам разговаривать. Я уже вашему сыну всё сказал: ничего опасного в настоящий момент нет. Кто у нас тут врач, я или вы?» А если, говорю, он умрёт? Ничего, отвечает, ему не будет. А если? «Ну а если вдруг станет хуже, после праздника, во вторник, привозите, посмотрим, может, и положим». Представляешь? Вышла как оплёванная.

– Из больницы звонишь?

– Нет, в клуб заехали. Гена к директору ходил, чтобы попросить видео посмотреть, а того на месте не оказалось, сказали, должен вот-вот подойти. Сидим, ждём. Лекарство купила. Я прочитала инструкцию – обыкновенное обезболивающее. Дала Лёше. Дремлет. Я чего подумала... Может, так оставить, а то эти нелюди ещё больше обозлятся и всех нас прибьют?

Меня словно кипятком ошпарили.

– Вот так-таки всех! Придут и прибьют! И внуков до кучи!

– А что, Гена говорит, у них тут кругом свои люди и в полиции, и в прокуратуре, и в суде.

– Не смеши – не девяностые! Да и в девяностые на них быстро бы управа нашлась! Пусть только сунутся! Или забыла?

Она, разумеется, помнила, как после одной из последних краж икон, когда я заявил в милицию и двоих якобы просто зашедших посмотреть храм молодых людей задержали, но, допросив, отпустили, после каждой вечерней службы за мной тащилась легковая машина с тонированными стёклами, затем долго стояла под окнами, время от времени озаряя их светом фар. Давили на психику, а может, выслеживали, чтобы вернее нанести удар. И что же? Стоило заикнуться об этом знакомому по прежней жизни «авторитету», о чём в своё время расскажу, всё это тут же прекратилось, в том числе и кражи. А до этого, когда во второй половине ночи срабатывала выведенная на домашний телефон сигнализация и я звонил в милицию (тогда была милиция), те даже ехать не хотели. Сходите, скажут, сначала и посмотрите, что там такое. А если, говорю, там бандиты? Тогда, отвечают, с кем-нибудь их задержите, а мы приедем и арестуем. После этого я в милицию не звонил. Но то было в девяностые, а теперь-то, при нынешней-то «вертикали власти»!

И я сказал твёрдо:

– Ждите. Я этого так не оставлю.

Но Катя попыталась зайти с другого конца, она знала, куда больней ужалить:

– А что люди скажут?

– По поводу ночного клуба, что ли? Да они в любом случае говорить будут. Забыла, сколько про нас с тобой говорили? И что? И вообще! Всему есть предел, а мразь эта, видимо, понимать этого не желает! Сицилийскую мафию тут развели! Да если мы замолчим, они завтра к нам домой вломятся и на наших глазах Лизу изнасилуют. Ты этого хочешь?

- Типун тебе на язык!
- Вот и ты не говори глупостей!

Примерно через час они появились. Оказывается, директор клуба заверил Гену, что видеонаблюдение велось только внутри, когда же зять попросил посмотреть, какое есть, тот сказал, что предоставит лишь по официальному запросу.

4

В половине восьмого я ушел на службу. Даша с Игорем не приехали, и Лера снова пела одна. Я не стал спрашивать почему. Не до того было.

Хотя на следующий день праздновалась Казанская, народу прибыло немало, и по обыкновению больше половины – приезжие из районного центра и более отдалённых мест.

Перед началом литургии по заведённому обычаю я прочитал акафист перед иконой Богородицы, дал возглас на «часы» и ушел на исповедь. Причаститься пожелали все, и я в очередной раз порадовался этому.

Когда вернулся домой, Катя была в панике. Говорила, что Алёшку надо срочно спасать, что он уходит, в смысле умирает, что Зинаида Геннадьевна, наш знакомый невропатолог, по одному только описанию по телефону предположила ужасный диагноз. Оказывается, по тем самым синякам вокруг глаз, или «очкам», течению крови из ушей, хотя, как выяснилось, это была не кровь, а мозговая жидкость, раньше, до появления аппаратуры, ставили диагноз «перелом основания черепа», не говоря уже о явном сотрясении и сильном ушибе мозга и множестве переломов и гематом. Зинаида Геннадьевна даже удивилась, что он у нас до сих пор живой, поскольку с такими травмами, оказывается, больше полутора суток без срочной и квалифицированной медицинской помощи обыкновенно не живут, и настаивала на немедленной госпитализации. Но куда везти, если ЦРБ не принимала? Везите, сказала, куда угодно, в другую больницу, в конце концов. Слава Богу, у нас была ещё одна больница, в соседнем молодом городе (назову его хотя бы Зареченск), жизнь которому дало градообразующее, некогда известное на всю страну, а ныне захиревшее по причине частой смены акционеров предприятие.

Я сел перекусить. Пока ел, Катя рассказывала, что дала на ночь Алёшке снотворное и обезболивающее, а сама до половины третьего не спала.

Сначала разговаривала по телефону с младшей сестрой Надей, которая жила с семьёй в областном центре. Надин муж Антон всю жизнь проработал в «убойном отделе» и считался одним из лучших оперов. После выхода на пенсию в звании подполковника трудился охранником в одном из коммерческих банков и продолжал оказывать оперативные услуги своим бывшим коллегам, заметив как-то в нашем с ним разговоре, что бывших оперов тоже не бывает. Оба уже знали о случившемся и тоже настаивали на срочной госпитализации. Надя – чтобы лечить, Антон – чтобы наконец появился реальный диагноз, а стало быть, повод для возбуждения соответствующего уголовного дела, которое, по его мнению, до сих пор не было возбуждено, о чём свидетельствовало, по его мнению, то, что дело пустили через участкового, а не через дежурную часть, как это бывает в таких случаях, а через двое суток будет и поздно, и нам уже ничего не удастся доказать. Поводом к такому заключению послужил эмоциональный Дашин рассказ о том, как обошлись с ней и с Алёшкой в больнице и в отделении полиции, из чего Антон, в отличие от своей благоверной и моей Кати, ничего, кроме бессердечия сотрудников полиции и врачей в этом не увидевших, заключил следующее: диагноз специально был занижен дежурным хирургом, а затем из солидарности подтверждён вторым, скорее всего, по просьбе сотрудников полиции, чем – преступников, чтобы в самом начале развалить дело, в чём сразу увидел чётко отработанную схему, и посоветовал срочно поднимать по этому поводу общественность через СМИ.

Так вот, значит, почему Зайлер сказал, приезжайте во вторник! Оказывается, тогда уже будет поздно! А на здоровье сына, будет он жить или останется на всю жизнь калекой, ему, вместе с нелюдьми в погонах, наплевать!

Я был так поражён, что всё это у меня встало стопором в голове. Полиция ладно, её и теперь в сращивании с преступным миром на всю страну обличают (хотя бы в недавней истории в станице Кущёвской), но что могло быть общего между людьми в белых халатах, в которых мы привыкли видеть защитников нашего здоровья, с этими нравственными уродами? Даже если бы об этом попросил какой-нибудь недобросовестный сотрудник полиции, неужели это могло быть основанием для того, чтобы вот так просто взять и попать клятву Гиппократова, да просто обыкновенной человечности, отказав больному в неотложной медицинской помощи? Или до того уже они тут все повязаны, что, как в Кущёвской, ничем этот порочный узел, как только вмешательством Москвы, не разрубить? Да нет же! Ну не может же этого быть! За двадцать два года мы столько узнали прекрасных отзывчивых людей, что во всю эту грязь просто не хотелось верить. И потом, не может же зло победило добро, такого по определению быть не может, успокаивал я себя.

Катя между тем продолжала рассказывать. После разговора с сестрой она прибралась на кухне и решила прочитать акафист, а потом ещё один, и ещё (не это ли, кстати, ещё давало сыну возможность жить?). И так до половины третьего. Наконец свалилась, как выразилась сама.

– А он (представляешь?) проснулся!

– Алёшка? Чего?

– От невыносимой головной боли. Только я об этом утром узнала. Очнулся, говорит. Меня будить пожалел (слышал, видно, что я не спала долго), насилу поднялся, по стеночке добрался до кухни, искал обезболивающие таблетки, не нашёл, глянул на часы (говорит, три двадцать было), выпил воды, вернулся в свою комнату и до утра на кровати просидел. Согнул ноги в коленях и на них голову положил. Таким образом, сказал, не так сильно головная боль мучила. В таком положении я его и застала. Лёша, говорю, ты чего сидишь? А он мне вот это вот и расскажи. Представляешь? Меня пожалел!

Во всё время разговора каждая черта её лица изобличала крайнюю степень переживания, но от последних слов она уже не выдержала и заплакала. Я поморщился, как от зубной боли, погладил её по плечу, сказал:

– Ладно, давай собираться.

– А если и там не примут?

– Пусть только попробуют!

– А что ты можешь сделать?

– Потребую написать отказ в госпитализации и с этим отказом поеду в областную больницу.

5

Но в областную больницу ехать не пришлось. Мир оказался не без добрых людей. Удивительно, мы отъехали от ЦРБ всего на каких-то десять километров, на другую сторону реки, а как будто на другую планету попали.

В приемном покое нас приняли с сердечным участием: «О, Господи, да кто ж его, бедного, так?» Тут же вызвали дежурного хирурга, высокого, стройного мужчину лет сорока по фамилии Назаров. Тот сразу отправил сына с медсестрой на рентген, а нас внимательно выслушал. Спросил, будем ли писать заявление в полицию. Я ответил, что уже написали, и он сразу взял это на заметку. Когда вернулся Алёшка, хирург сделал ему внимательный осмотр, результаты записал в медицинскую карту, велел сыну раздеться догола, лечь на каталку, накрыться

простыней и отправил в реанимационное отделение. Нам было велено забрать одежду сына. Мы поинтересовались результатом осмотра.

Предположение Зинаиды Геннадьевны подтвердилось. Кроме перелома носа, верхнечелюстной пазухи, указательного пальца, сотрясения, ушиба головного мозга и какого-то «суббохронального кровоизлияния», множества гематом, правда, почему-то под вопросом, стоял «перелом основания черепа». Я спросил, что это значит. Назаров ответил, что это говорит о том, что диагноз пока клинический (по внешним признакам), а диагностический появится возможность сделать только во вторник.

– Да вы не переживайте, – тут же добавил он, заметив, что мы с Катей переглянулись, подумав об одном и том же: что до вторника Алёшка останется без квалифицированной медицинской помощи, – всё необходимое для лечения будет назначено немедленно.

На обратном пути Катя позвонила Даше и сообщила диагноз. Я попросил передать дочери, чтобы та занялась оповещением через интернет, по телефону, как угодно, все доступные телевизионные каналы. Даша ответила, что уже занимается этим и что запустила информацию о случившемся на портал «Типичный городок», и уже появились первые отклики очевидцев, в которых фигурировали фамилии бандитов. Я попросил отправить информацию на мою электронную почту. Известие остановило моё намерение сразу же после больницы заехать в дежурную часть для сообщения нового диагноза и чтобы написать другое заявление. Как законный представитель потерпевшего, поскольку, находясь в реанимации, сын этого сделать не мог, я имел на это полное право, но прежде решил посмотреть почту, чтобы заодно сообщить полиции имена преступников.

Только мы вернулись домой, следом за нами появились Лера с Мишей. Оказывается, Лера сделала запись в интернете на стене находок по поводу драки у клуба и пропавшего сотового телефона. Буквально тут же в сети появилась новая страница без имени, и некто, назвавшийся перекупщиком, предложил купить пропавший телефон сначала за семь, потом за пять тысяч. Договорились встретиться при входе в супермаркет. Лера написала перекупщику, что одна идти боится и придёт с братом, так как Гена был на дежурстве. Перед тем как отправиться к магазину, Лера с Мишей заехали в полицию, а оттуда на двух легковушках (сотрудники полиции – на своей) отправились к супермаркету. Лера с Мишей пошли к магазину, а сотрудники остались наблюдать за ними из автомобиля. Ждали минут двадцать. На встречу никто не пришёл. Они разъехались, а вскоре в интернете появилась надпись: «Тютю вашему телефону, продаж другому, а вашему Лёше не хворать!»

– Неужели догадались?

– Или видели, что мы сначала к полиции подъезжали.

– Это вряд ли. Скорее всего, их из полиции предупредили.

– Да ладно!

– Чего ладно? Так и есть. У клуба же предупредили. Гена собственными ушами слышал, как кто-то крикнул: «Менты».

– Или просто разыграли.

– И это вряд ли. Откуда они могли узнать Алёшкино имя?

На этом обмен мнениями был закончен. Лера уехала. Миша ушел к себе и засел за учёбу. В этом году он заканчивал техникум и готовился к поступлению в политехнический институт. Ни один из сыновей по моим стопам не пошел, и тому были свои причины, о которых, может, и расскажу, хотя прямого отношения к делу это не имеет.

Я ушел к себе и включил компьютер, чтобы посмотреть почту. Перепалка на портале шла вовсю. Одни сочувствовали, другие негодовали, третьи давали советы, четвертые уверяли, что это уже не первый раз и что «ничего этим уродам» не будет, и приводили примеры, пятые огрызались, дескать, «сам напросился, ну и получил», а какая-то обиженная природой с тигриной яростью нападала на Алёшкиных защитников, обзывая кого «козлом вонючим», а кого

«курицей общипанной», и даже уверяла, что, если бы сама оказалась на месте, «подошла бы и этого лежачего гада добила». И уже где-то в самом конце обратил внимание на такое сообщение: «Был в клубе, видел кто бил, телефон у Табака, принимали участие в избиении Табак, Костыль и Чика».

Я тут же скопировал и распечатал текст. Затем выключил компьютер, перекусил и отправился в полицию.

Было около восьми вечера, когда я туда входил. Подойдя к окошку, я сказал дежурному, зачем прибыл. Он ответил:

– Пройдите в кабинет участковых. Прямо по коридору, первая дверь налево.

В просторном кабинете за одним из четырёх столов сидел всего лишь один наш поселковый участковый, худощавый майор в очках, и что-то сосредоточенно писал на листке в раскрытой папке. Я поздоровался, попросил разрешения войти. Майор поднял глаза, узнал меня, кивнул, пригласил присесть напротив и, продолжая писать, спросил, по какому вопросу. Я сказал про новый диагноз. Он ответил, не отрываясь от своего занятия:

– Мы знаем. Удивляюсь, как это он у вас с переломом основания черепа ходит.

– А он и не ходит, мы его под руки водим. Это вы его ночью допрашивали?

Участковый перестал писать, уставился на меня немигающим взглядом.

– Нет, дознаватель, а дело мне передали. А теперь, получается, дальше его следует передавать. Ещё что-то хотите?

– Да, заявление написать. То было неправильным.

Он тут же соорудил удивлённую мину, порылся в папке, достал заявление, пробега глазами, возразил:

– Почему неправильное? Всё верно. Вот об избиении, вот о краже телефона. Всё было так?

– Так-то оно так, только сын видел, кто именно из его кармана телефон вытаскивал, и есть свидетель.

– Кто?

Я достал из кармана лист бумаги. Участковый пробежал по нему глазами.

– Какой же это свидетель, тут ни имени его, ничего?

– Зато есть клички преступников. Сын это подтверждает, – для убедительности соврал я, поскольку поговорить с Алёшкой пока не было возможности.

– Это я вижу, лица известные. Что, и Чекмырёв пинал?

– Какой Чекмырёв?

– Чика.

– Вроде да. Во всяком случае, там был.

– Там был... Мало ли кто там был. Но это хорошо, что вам имена известны.

Заподозрив в последнем замечании расположение, я рискнул спросить:

– А правда, что Чика ногой в полицию дверь открывает?

– Не знаю, – тут же нахмурился майор и, опять взявшись что-то записывать, добавил: – Ко мне не открывает.

– Стало быть, не надо другое заявление писать? – ещё раз переспросил я.

– Я уже вам всё сказал, – не отрываясь от дела, отозвался он.

– Да! Чуть не забыл. Надо бы срочно видео из клуба взять, а то как бы директор клуба и то, что есть, не уничтожил.

– Не беспокойтесь, работа уже ведётся, – так же, не отрываясь от писания, заверил участковый и, наконец, дописав, сказал со вздохом: – Ну вот и всё, идёте.

– Куда?

– В дежурку, дело по инстанции передавать.

Мы вышли из кабинета, я шёл впереди, майор следом, в коридоре дежурной части он постучался в остеклённую, зарешеченную, как и огромное, во всю стену, ограждение, дверь, и, когда ему открыли, заходя внутрь, спросил сидевшего за столом дежурного:

– Куда с тяжкими телесными, в криминалку?

– Да.

Я сказал до свидания и вышел на улицу. В душе опять замаячил лучик надежды. Уж теперь-то, подумал, когда такой серьёзный диагноз и все фигуранты налицо, возьмутся за дело. По прежней советской жизни я помнил, что групповые преступления более тяжкие, чем одиночные, а тут налицо ещё и ОПГ (организованная преступная группировка). И уже представлял, как всю эту сволочь наконец задержат и водворят на скамью подсудимых.

Какой же я был наивный!

И хотя за дело действительно взялись, однако совсем не так, как мы ожидали.

6

На Казанскую, ставшую с недавних пор ещё и Днём народного примирения, служили с утра. И на этот раз на клиросе пели все кто мог: Катя, обе дочери, приехавшие семьями, зять Игорь, окончивший музыкальное училище и работающий заведующим сельского клуба, где жили его родители. Наша младшая, двенадцатилетняя Лиза, петть не умела или не смела, поскольку вбила себе в голову, что у неё слуха нет, и поэтому присматривала за племянницами, сидящими на лавке и мотающими недостающими до полу ножками в красненьких колготках и лакированных ботинках. У обеих из белых бантиков над розовыми ушками торчало по два русых хвостика. Миша, явно тяготясь этим, алтарничал. Словом, все были при деле, и только Дашиным оболтусам на месте не стоялось и не сиделось, и они, следуя друг за дружкой строго по старшинству, постоянно меняли место дислокации, чтобы наконец ускользнуть из поля зренья, а затем из храма, разумеется, не насовсем, а всего лишь до причастия, то есть до конца службы. Да не тут-то было. Как и полагается сотруднику ДПС, Гена следил за ними от входной двери и кивком головы возвращал назад, не обращая внимания даже на то, что они хватались за животы и страдальчески морщились.

Народу прибыло ещё больше, но и сегодня все до одного пожелали причаститься.

Многие из прихожан о случившемся уже знали и по окончании службы, обступив меня, засыпали вопросами и советами. Вопросы оставляю без внимания, а вот советы сводились к одному, всё к тому же: надо писать САМОМУ, не имеет значения, кому именно, главное – сразу ТУДА, а уж ТАМ разберутся, «а мы все подпишемся». Но для этого я не видел веских оснований. Чего понапрасну ТАКИХ людей беспокоить? Да и не стоит оно того? Да и время не то, чтобы из-за пяти колосков копы ломали.

К дому шли длинной вереницей. Внуки бежали впереди, их родители с предупредительными окриками следом, мы с Катей завершали шествие степенным шагом. «Маменька уже успела перетереть», как иногда шутила Даша, «с тётей Надей» последние новости и спрашивала меня про какой-то «куст».

– Это ещё что такое?

– Не знаю. Тебе его в полиции должны были дать.

– Чего?

– Это самое. Антон Надю спросил, она меня, я тебя спрашиваю: дали?

– Нет.

– Почему не попросил?

– Зачем? Если не дали, значит, не надо, а если бы надо было чего-то дать, дали бы сами.

– И ещё. Антон спросил. Объяснительную с тебя взяли?

– В каком смысле?

– В каком, в каком... А я знаю? Он сказал, должны были объяснительную с тебя взять, и ты в ней должен был расписаться. Ты нигде не расписывался?

– Нет.

– Значит, не взяли. Надо ехать. И «куст» этот попросить. А то поди потом докажи, что мы заявление писали.

Я поинтересовался у вышагивающего впереди с генеральски задранной головой Гены, как будто сразу генералом родился, что это за «куст» такой и что ещё за «объяснительная». Он ответил, что при подаче заявления должны давать талон-уведомление, а к заявлению прикладывается объяснение.

– Вы его сами можете написать и приложить к заявлению.

– А чего написать?

– Что по этому поводу думаете, кого подозреваете, что вам известно.

– Вот, – подхватила Катя, – а тебе ничего не дали, и ты ничего не писал.

В самом деле, подумал, надо сегодня же написать и отвезти.

За столом только и разговору было о случившемся. Оказывается, открылась масса новых обстоятельств. И через интернет, и через сарафанное радио, и по дружбе, и по секрету, и чего сорока на хвосте принесла, и чего никому на белом свете неведомо, «а я в этом почти на сто процентов убеждена».

– У нас таксист в подъезде нерусский, так он сказал, что Олег, который в книжном магазине на Фрунзе работает вместе с отцом, это их бизнес, рассказывал ему, что в ту ночь был в клубе и видел Чику, и видел драку всю. Сказал, что Алёшку пинали, а два охранника стояли и смотрели. Он подошел к ним и сказал: «Вы что, ребята, смотрите на этот беспредел?» А они ему, мол, это не их территория. С Олегом этим надо поговорить, сказать, что до суда имя его не откроем, чтобы не боялся.

– А вчера перед нашими окнами двое какие-то подозрительные стояли.

– И перед нашими окнами до полуночи машина с включенными подфарниками стояла. Я записал номер на бумажке, вот.

– Запугивают.

– А мне Светка, знакомая, сказала, когда она Гнездилова этого, что к врачу в кабинет ночью заходил, спросила, что произошло, он сказал ей, что Алёшка сам ко всем приставал, мол, у него день рождения, а его почему-то никто не угощает, ну и угостили.

– Так он участвовал в этом или нет?

– Как же, папенька! Директор клуба кому-то рассказывал, что лично видел, как Гнездилов первый к нашему Алёшке подошёл и пятьсот рублей потребовал. Алёшка сказал, что у него нет. А тот: а если обыщу? Ну и поехало...

– Они, говорят, даже уши кому-то отрезали.

– Пришили?

– Чего?

– Ухи.

– Не вижу ничего смешного. А если бы тебе отрезали?

– Он бы себе тогда от мамонта пришел, чтобы от мух отмахиваться, когда нарушителям штрафы выписывает.

– Ну, совсем с ума спятили! Давайте прекращайте!

– А чего он?

– В самом деле, куда-то мы не туда... Как-то там наш Алёшка...

– Звонила в реанимацию. Живой. Волгин, врач реанимации, с которым разговаривала, диагноз подтвердил: перелом основания черепа.

– Живой, и слава Богу!

– Ещё неизвестно, как лечение пойдёт. Зинаида Геннадьевна говорит, такие травмы бесследно не проходят. Серьёзные осложнения бывают.

– Будем надеяться на лучшее.

Я сказал, что вчера полазил по интернету и надёргал разных фотографий, так давайте вместе посмотрим, может, кто кого узнает.

Мы прошли в мою комнату, я сел за стол и включил компьютер. Все расположились за моей спиной. Стоило мне открыть файл с фотографиями, как из-за моей спины наперебой полетело:

– Да вот они все! Чика, Табак, Костыль, Хусаян.

– А это Гнездилов, что ли?

– Кто же ещё?

– Опять Чика. Костыль с Хусаяном в «Форварде». Табак!

– С кем это он, да ещё в спортзале?

– С Копыловым! Он у них там главный вышибала.

– Ну и горилла!

– У Гнездилова пачка не меньше!

– А позы какие!

– Кина нагляделись!

– А это что за урод? Бр-р-р!..

– Лёва-псих.

– Псих? Натуральный?

– А разве не видно?

– А чего его тогда выпустили?

– Говорят, безобидный.

– Ничего себе, безобидный!

– Вот-вот.

По ходу дела я фиксировал клички, фамилии, имена. Когда дети разъехались, я расположил фотографии так, чтобы нагляднее смотрелись: вот вся группировка вместе, вот они по двое, по трое в характерных позах, вот по одному. Затем составил «заявление» (без «шапки», которую решил написать в отделении), «объяснительную» и поехал в полицию.

Было около семи вечера, когда я прибыл туда.

Подойдя к стенду, на котором висели образцы заявлений, я стал отыскивать нужную «шапку». Однако буквально тут же ко мне подошел невысокого роста круглолицый плотный капитан и поинтересовался, не нужна ли помощь. Я ответил, что мне надо написать «шапку» на «заявлении».

Он спросил:

– А по какому поводу «заявление», можно посмотреть?

Я дал ему. Он начал читать и тут же делать замечания:

– Вы тут неправильно пишете. Вы уже определяете характер преступления и обвиняете, а вина пока не доказана и ваш сын официально ещё не признан потерпевшим. Так не пишется. Вам бы адвоката. А что, собственно, произошло?

Я кратко пересказал. Он спросил:

– Имена, клички какие-нибудь знаете?

Только я начал называть, как он сразу же подхватил:

– Знаем, всех знаем, – и, разведя руками, с видимостью огорчения добавил: – Но ничего не можем с ними сделать!

У меня разве что челюсть не отвисла. Уж если они, подумал, такие беспомощные, мы куда лезем? Однако вслух ничего не сказал. Да и что на это сказать? Да и бравый вид капитана

совершенно не соответствовал тому, что он только что с явно показным огорчением произнёс. И потом, что значит ничего не могут сделать?

Не могут или не хотят? Что за абракадабра такая?.. Скажу наперёд, далеко не сразу дошло до меня, для чего и впредь разными сотрудниками полиции всё это нам говорилось.

Меж тем капитан подошёл к окошку, о чём-то переговорил с дежурным, тот извлёк с полки тоненькую папку, затем оба ещё раз заверили меня, что другого заявления писать не надо, а вот объяснение, мол, давайте, к делу приложим.

Лучше бы я его не отдавал. По моей юридической неосведомлённости оно только способствовало развалу дела. Но что я тогда понимал? И вообще, что мы, простые смертные, в этих делах понимаем? Про талон, разумеется, опять забыл. Вспомнил уже на полпути к дому, но возвращаться не стал. Подумал: «Если уж и на этот раз не предложили, стало быть, он точно не нужен».

А со следующего утра и началось.

7

После девяти позвонила Даша и сообщила, что к нам едет областное телевидение. А ещё через пять минут в комнату вошла с переносной трубкой домашнего телефона чем-то сильно взволнованная Катя и сказала, что Алёшку из реанимации перевели в общую палату.

– Как?

– Сказали, никакого перелома основания черепа, оказывается, у него уже нет.

– Кто сказал?

– Балакин. Врач лечащий. Только что с ним по телефону говорила. Сказал: ничего страшного, подлечим и выпишем недельки через две.

– Ты это серьёзно?

– И я так подумала. Надо срочно в больницу ехать.

– А телевидение?

– После них. Даша говорит, они тоже собираются везде побывать.

Через полчаса появились Даша с Лерой, их привёз на машине Игорь, и под маменькиным руководством, как две заведённые метлы, принялись наводить порядок. Кошка не знала, куда от них деться, и с взъерошенной шерстью сновала между ног в поисках безопасного угла, пока не догадалась шмыгнуть в коридор, а оттуда на улицу. Я тоже везде мешал, однако уходить из дома наотрез отказался, поскольку с утра в воздухе повисла такая мерзкая хмарь, что я серьёзно боялся простудиться.

Наконец, когда всё было прибрано, сели пить чай, а ещё через полчаса, около одиннадцати, появились телевизионщики, совсем ещё молоденькие, но уже знающие своё дело: курчавый рыженький оператор и худощавая русоволосая корреспондентка.

Снимать решили в моей комнате. Сначала взяли интервью у меня, и я сказал всё, что по этому поводу думаю: об избиении, о бессердечии и даже возможном преступном сговоре сотрудников полиции и врачей, а может быть, и бандитов, поскольку один из них в ту ночь в приёмном покое всё-таки был и о чём-то с отказавшим нашему сыну в госпитализации хирургом разговаривал. Назвав фамилии, имена и клички предполагаемых преступников, я проиллюстрировал их физиономии на экране монитора.

Затем взяли интервью у Даши, Леры, Игоря, а под конец у Кати.

Последнее интервью получилось самым убойным. Держа перед камерой в руках развёрнутую, окровавленную, порванную во многих местах Алёшкину футболку, обливаясь слезами, совершенно забыв о всяком благоразумии, Катя в крайней степени горести восклицала:

– Это не люди, а звери, хуже фашистов! На ребенке живого места нет! Он уже без сознания лежал, а они его бить продолжали, ногами, по лицу, по голове, по всему телу, прыгали на нём! Звери! Звери!

И далее о больничной эпопее. После этого уже нельзя было в телевизионном репортаже обойти ЦРБ, клуб, полицию, бандитов (Гена успел раздобыть некоторые адреса) и, разумеется, больничную палату.

Даша с Лерой уехали сопровождать съёмочную группу, мне надо было ехать по неотложным делам, Катя сказала, что отправится с готовым подъехать через полчаса Геной в больницу. Договорились встретиться там.

Всё, что произошло до моего появления в больнице, излагаю в пересказе, тем более что значительная часть из этого была дважды показана по телевизору.

О прибытии съёмочной группы уже было известно и в полиции, и в ЦРБ, и в больнице Зареченска, и даже бандитам.

В ЦРБ съёмочную группу дальше первого этажа, где находилась регистрация, не пустили. И всё-таки кое-что удалось снять. Когда Даша бранилась с дежурной сестрой, глыбообразно вставшей в начале лестницы на второй этаж и методично заверявшей, что без разрешения главного врача съёмочную группу пустить не может, Лера узнала спускавшегося по лестнице Зайлера и закричала:

– Вон этот Зайлер, вон он!

Реакция хирурга просто убила. Мгновенно оценив ситуацию, он развернулся и через две ступеньки ускакал наверх. Вслед ему неслось оглушительное:

– Смотрите-смотрите, как заяц! Он мужик или баба? Да-а-а!

Всё это шустрый оператор ухитрился снять. Затем вниз спустилась другая медсестра и официальным тоном заявила, что главный врач съёмочную группу пустить не может, а вот родственников, если уж они так настаивают, готова принять.

Корреспондентка шепнула Даше: «Запишите на диктофон». Однако перед входом в кабинет медсестра по требованию главного врача Людмилы Николаевны Червоткиной, как было написано на латунной табличке, заставила сотовые телефоны оставить в приемной. Спорить было бесполезно. Даша с Лерой достали свои телефоны и отдали Игорю, который и остался с ними в приемной.

Не успели сёстры войти в кабинет, как навстречу им полетело властное:

– В чём дело? Почему шумим?

Увы, не только борьба за теплое местечко под солнцем прозвучала в этих словах, но и горькая бабья доля. С первым, разумеется, недостойным, мужем Червоткина рассталась, когда была ещё ничего, но ещё не главным врачом, второй оказался не лучше, но деваться было некуда, пока на неё не свалилось административное счастье, – не исключено, что по протекции третьего, правда, всего лишь на правах тайного возлюбленного, о чём судачили все кому не лень, и в которого она вцепилась всеми когтями, как в последнюю надежду, поскольку бабье лето её было уже на исходе, и тем не менее она была почти уверена, что уж на этот раз своё «женское счастье, был бы милый ря-адам», не упустит, а не тут-то было, в один прескверный день взял и ушёл, окаанный, к какой-то, и посмотреть-то не на что, и подержаться-то не за что, обыкновенной медицинской сестре. Уволила, а что толку? Насильно мил не будешь. И осталась она, как подстреленная лебедь, с одним крылом, со своим административным счастьем, от которого бабе какой прок! Уважаемая Людмила Николаевна. Ни тепла тебе, ни ласки. Одно слово – начальник. И этот начальник, с невозмутимостью египетской мумии выслушав эмоциональную Дашину повесть, с неопровержимостью железной логики заявил:

– Ну ошиблись немного врачи, со всеми бывает, и что? Если бы я по конкурсу могла специалистов набирать, а то приходится принимать на работу абы кого. Все хорошие врачи по платным клиникам разбежались.

– Ничего себе ошиблись! – не отступалась Даша. – А «перелом основания черепа» куда делся?

– Никакого «перелома основания черепа», гражданочка, не было, зареченский хирург просто перебздел и поставил неверный диагноз. И другой справки вы у меня не получите.

Разумеется, Даша с Лерой наговорили в ответ кучу гадостей. Червоткина пообещала привлечь их за это к суду. Даша ответила, что они за такую халатность сами могут привлечь её к суду.

– Думаете, вы тут последняя инстанция, что ли? Управы на вас нет? И сколько, интересно, вам за такую справку заплатили?

– Что-о-о? У ну вон из кабинета! Я вам устрою!

– А мы вам! К Малахову на передачу поедem! Мы вас всех на чистую воду выведем!

Бедная Даша! Ей и её близким больше всех впоследствии достанется из-за этих и других сказанных в запальчивости слов. И если бы... пока не могу сказать, кто именно, ещё не известно, что бы с нами со всеми было. Корреспондентка тоже не поверила.

– Неужели так и сказала – перебздел?

– О! Да ещё с таким смаком! Как настоящий мужик! Через губу так: пе-ре-бздел!

– Вам бы в артистки.

– Она у нас артистка и есть, – подхватила Лера.

– Ага, из погорелого театра, – как от назойливой мухи отмахнулась Даша, хотя действительно окончила театральную студию и сыграла несколько ролей в любительских спектаклях ещё до своего замужества, а уж как музицировала на фортепьяно и пела, знала не только вся округа, но и за её пределами, однако всё это было в далёком, подававшем надежды, но так и не состоявшемся прошлом и к теперешней жизни, а тем более к нашему делу, отношения не имело.

– И куда мы теперь, в полицию?

– А может, лучше в клуб?

– Точно, надо сначала в клуб.

И это оказалось самым правильным решением и впоследствии, оставаясь для всех непосвящённых тайной, сыграло решающую роль. Вот что значит большая деревня!

На этот раз свою лепту внесла Лера. Пока ехали к клубу, она позвонила своей знакомой, которая была на короткой ноге с директором клуба, и попросила помочь. Та в свою очередь, переговорив с директором, как выяснилось чуть позже, уже сделавшим неверный шаг, и убедила его дать телевизионщикам видео. Била на то, что люди, мол, то есть мы, серьёзные, просто так не отступятся, и лучше ему заранее слить всю эту сволочь, чтобы не подать повода к подозрению в соучастии. И вообще, вся это мразь ему самому ещё не надоела? Вопрос о закрытии клуба уже неоднократно после подобных историй поднимался. Нормальные люди из-за этой шпаны в клуб ходить перестали. А ведь, когда открылся, семьями начали ходить, а теперь что? Был, говорят, клуб как клуб, а теперь притон бандитский. Или он хочет дожидаться, когда областной ОМОН с наркоконтролем нагрянут? Подействовало.

Когда прибыли в клуб, директор, сорокалетний высокий мужчина по фамилии Соловьев, уже приготовил для просмотра запись с камер наружного наблюдения. Дашу с Лерой к просмотру не допустили. Просмотр в ускоренном режиме занял около часа. В обычном режиме поглядели только главные эпизоды. Корреспондентка попросила сделать копию, заверив, что для репортажа использует всего лишь коротенький эпизод. И тут оказалось, что флешка есть только у находившейся в коридоре Даша. Время поджимало, деваться было некуда, решили «скинуть» на неё, тем более что Даша заверила, что для такого дела готова с ней расстаться, только ценную для неё информацию на свой компьютер перебросит, а для этого надо будет заскочить к ним домой. Запись была сделана.

После просмотра видео, которое комментировал директор клуба, корреспондентка вышла настроенной против Алёшки, уверяя, что она только что своими глазами видела, как он первый на всех налетает, и сколько бы её ни убеждали, что этого быть не может, скорее всего, её неправильно информировали, стояла на своём.

На очереди была полиция. В кабинет заместителя (предусмотрительного начальника полиции на месте не оказалось) опять была допущена только съёмочная группа. Пожилой, с мешками под глазами, седой подполковник, сидя за столом, нервно постукивая авторучкой по столу, монотонным бесцветным голосом сказал на камеру, что, поскольку при начальном поступлении в больницу был поставлен неверный диагноз, дело направлено на исследование, которое в данный момент ведётся, после чего будет возбуждено соответствующее настоящему характеру телесных повреждений уголовное дело. Когда же корреспондентка спросила, собираются ли привлечь к ответу за такие халатные действия врачей, ответил, что на данный момент заявления по этому поводу от потерпевшего нет. Если же появится, виновные будут привлечены к ответственности.

Затем уже без камеры, тет-а-тет, между корреспонденткой и подполковником произошёл такой разговор.

– Не понимаю, с чего вы так все всполошились? Ну, родственники, понятно, а вы что? Телевидение, а всяким сплетням верите, работать мешаете. Это ещё надо разобраться, кто виноват. Между прочим, есть свидетели, которые видели, что гражданин выпил лишнего, вышел на улицу, споткнулся и головой о цементный бордюр ударился. Там бордюры в виде полушарий.

– Странно. А я только что видела совершенно иное.

– Где это вы видели?

– На видео, директор клуба показал.

Это вызвало шок.

– Как на видео? Он сказал нам, что видеонаблюдения в тот день не велось.

– Этого я уже не знаю.

Подполковник тут же снял трубку и распорядился срочно изъять видео.

Обо всём этом удивлённая корреспондентка поведала Даше.

Ни одного из бандитов по указанным адресам не оказалось. Соседи тоже ничего сказать по этому поводу не могли.

По пути в Зареченск заскочили к Даше домой, и она вместе со своей информацией «скинула» на компьютер видео.

В палату зареченской больницы с камерой тоже не пустили. Пришлось пойти на хитрость.

– А просто навестить больного можно? Мы ему тут всего накупили! – спросила корреспондентка.

– Посещение больных в определённые часы разрешается в бахилах и без верхней одежды, – был ответ.

– Сниму на сотовый, – напаяливая бахилы, шепнул Даше оператор.

И до моего появления сняли всё. Качество съёмки, разумеется, пострадало, однако эпизод от этого только выиграл. Глядеть на обезображенное от расцветших синяков лицо, а особенно слышать эту заикающуюся, нечленораздельную, как у деревенского дурачка, речь, было просто жутко. И начавшая было интервью с обличения корреспондентка притихла, тем более что Алёшка категорически заявил, что, хотя и терял сознание и многое забыл, однако хорошо помнит, что первым его ударил Костыль. Затем кое-как сумел рассказать о том, как обошлись с ним в больнице.

К концу интервью появился дознаватель, одетый в гражданку майор Куклин, и попросил Алёшку выйти для дачи показаний в коридор. Алёшка сказал, что у него после интервью сильно разболелась голова, и попросил позвать дежурную. Медсестра сделала ему укол и посо-

ветовала минут десять полежать. В это время между Дашей, корреспонденткой и майором в коридоре, у окна, состоялся якобы доверительный разговор, который вроде бы всё и для всех должен был окончательно прояснить. «Это между нами, чтобы вы понимали, с кем имеее дело», – сказал майор и поведал несколько жутких историй, связанных с этой группировкой. Впоследствии их наберётся гораздо больше, но по всем без исключения эпизодам вырисовывалась одна и та же картина: пострадавшие есть, а дел нет.

Вот эти истории. Их пересказала мне Даша, когда я прибыл в больницу, – съёмочную группу я не застал.

Та же группировка недавно избила беременную женщину, причём именно Табаков, опять же во время избиения, как и в нашем случае, вырвал из рук у бедной женщины сумку с деньгами. В результате причинённых травм женщина потеряла ребенка. Дело не было возбуждено.

Второй случай. Те же самые лица избили молодого мужчину, у него двое детей, в ЦРБ поставили такой же, как и нам, неверный диагноз, а через три дня госпитализировали. Стали лечить. Больному с каждым днём становилось только хуже, и тогда его перевели в областную больницу, где пришлось делать трепанацию черепа, и теперь кормильца семейства возят на каталке, взгляд его неподвижен, из открытого рта постоянно течёт слюна. И тоже никого не задержали, и дело не было возбуждено.

Третий случай. Этим летом та же банда изувечила двух молодых парней. У одного было сотрясение мозга, сломана челюсть, у второго – рука. Родители приехали писать заявление, их тут же проводили в кабинет начальника полиции. Тот в вежливой форме заверил, что всех привлекут к ответственности, а кончилось тем, что им сказали: вас же не убили, раны прошли, так чего попусту шум подымать? И таким иезуитским способом дело было прикрыто.

Ещё один вопиющий случай. У нянечки, работавшей в одном из детсадов, те же отморозки избили сына. Он написал заявление. Его подловили возле подъезда и ещё раз избили, пообещав, что теперь они с него, живого, не слезут. В итоге парню пришлось перебраться на съёмную квартиру в областной центр. Но эти ублюдки его там нашли. Опять избили, отняли паспорт, оформили на него кредит, и теперь он его выплачивает. По заявлению пострадавшего дело было прекращено.

Более того, я лично от того же майора слышал, что эта группировка известна им давно, но 90 % пострадавших боятся писать заявления, а 10 % идут на примирение даже на стадии суда, и когда я спросил почему, ответил:

– Либо запугивают, либо откупаются. Да и откупаются знаете как? Кинут тысячи три, когда пять и скажут: «Скажи спасибо, что живой!»

– А правда, что они кому-то уши отрезали?

– Это давно было. Того, кто отрезал, потом вздёрнутым на суку в лесу нашли. Уже разлагаться стал. После того случая они немного притихли... А вы как решили, идти до конца?

И вот до сих пор не могу забыть этот пристальный, испытующий, как будто чего-то ожидающий взгляд. Что же я? Да что там – святая простота! Костями лечь, а помочь нашей доблестной полиции! Она же меня бережет!

– Это хорошо, – отводя в сторону глаза, как бы с облегчением вздохнул майор и пожелал удачи.

Этот разговор произошёл уже после того, как уехала Даша, а с Кати и сидевшего бледнее смерти в коридоре Алёшки были сняты показания. Собственно, я это издевательство и прекратил, и даже на супругу наедине наехал: как это она позволила над больным сыном издеваться? Катя ответила: «Говорила. А он: извините, служба».

Я попросил у майора посмотреть показания.

Оказывается, в клуб вместе с Алёшкой пришли Шлыков, Туманов и Пухов. Всё началось в комнате отдыха, куда Алёшка вышел, чтобы ответить на пришедшие «эсэмэски». Устроившись на диване, он достал новенький «Айфон», который месяц назад приобрёл в кредит, наде-

ясь с помощью подработки за него расплатиться, поскольку мы ни копейки на такие дорогие вещи детям никогда не давали, и стал набирать текст сообщения. В это время к нему подошли четверо. Двоих он знал по кличкам, одного по имени и фамилии, а третьего по имени. Это были Табак (Табакон), Костыль (Костылёв), Хусаян и парень по имени Дима, которого в состоянии опознать, если увидит. Табаков попросил займы четыреста рублей, сказав, что с минуты на минуту должен подойти его приятель, и он отдаст. Алёшка сказал, что у него только тысяча. Табаков попросил показать. И когда Алёшка вынул тысячную купюру, Табаков сказал: пошли разменяем. Они подошли к барной стойке и заказали на четыреста рублей водки. Сдачу отдали Алёшке. Он убрал деньги в задний карман джинсов и хотел отойти, но Табаков предложил с ними выпить. Чтобы не обидеть, Алёшка выпил, зажевав долькой лимона, которая лежала сверху стакана. Эти заказали ещё и сказали:

«Угощаем». Алёшка отказался. Тогда Костылёв сказал ему: заплати. Алёшка платить отказался. И тогда Костылёв стал возмущаться, говоря, «да ты кто такой вообще, не видишь, кто перед тобой стоит?» Не помогло. Пришлось платить Костылёву. Это его взбесило. Хусаян с Табаковым специально подзуживали. «Не хило, мол, Костыль, он тебя обул, сразу видно, крутой парень». Костыль: «Кто, он крутой, да ему закопать его, что два пальца обоссать». И всё в таком роде. Алёшка хотел уйти, но эти его обступили. Тут появились его ребята и отбили его от них. Затем всё переместилось на улицу. Каким образом их туда с Шлыковым выманили, Алёшка не помнил, но, как уже было сказано, первым ему нанёс удар Костылёв. Алёшка попытался защититься, но тут, как было написано, последовал сильный удар в правый висок, после чего он очнулся в больнице. Далее читателю уже всё известно. Во время опроса Алёшка несколько раз ходил в палату отдыхать, пока наконец не появился я.

Катины показания были созвучны моей объяснительной, но всё-таки в них просматривался характер преступления хотя бы со стороны врачей, и я заставил майора дописать, что мы оба лично слышали от хирурга Назарова и заведующего реанимационным отделением Волгина и собственными глазами видели в медицинской карте совсем другой диагноз и не понимаем, каким образом и почему он из новой справки исчез.

8

Когда остались одни, в том числе и во всём коридоре, поскольку час был уже поздний и за окном тьма, Катя стала пересказывать разговор с лечащим врачом и новости, о которых я ещё не знал.

Во-первых, и самое главное, с утра в палату заглянули два запыхавшихся сотрудника полиции и спросили у лежавшего под капельницей Алёшки фамилию принимавшего хирурга. Алёшка не знал. Они ушли. А потом из медицинской справки исчез поставленный, оказывается, всего лишь «перебздевшим» хирургом Назаровым диагноз. Первой об этом, как уже было сказано, узнала Катя по телефону от лечащего врача и, прибыв в больницу, в первую очередь направилась к тому в кабинет.

Что же выяснилось?

После прибытия сотрудников полиции Алёшку срочно свозили на КТ (компьютерную томограмму), и перелом основания черепа на снимках не подтвердился. Скажу наперёд, если бы мы поверили этому и успокоились, то и на сей раз бандитам всё бы сошло с рук, но мы уже были наслышаны не только о продажных или трясущихся за своё кресло хотя бы из-за положительной статистики сотрудниках полиции, но и о беспринципных действиях врачей, и потерять сына или превратить его в «овощ» из-за неправильно поставленного диагноза, а стало быть, и лечения не захотели. Теперь я, конечно, понимаю, почему никому до нас не удалось добиться того, что с невероятными усилиями, душевными, физическими, и ощутимыми для семейного бюджета потерями удалось нам. Пусть – не всего, но хотя бы чего-то, тем более что всему этому

вскоре последовало неожиданное и ещё более ужасающее по своей беспринципности продолжение, о чём речь впереди. Удалось же добиться не только по известной пословице – не имей сто рублей, а имей сто друзей, но и потому, что, хотя я и никудышный (из-за такого плохого сына, например, что было высказано мне впоследствии разными лицами в глаза и за глаза), а всё-таки священник, и, несмотря на своё вопиющее окаянство, опять же благодаря своему великому тёзке из Кронштадта, кое-чему всё-таки за двадцать два года научился. Чему именно, станет понятно позже, а пока мы с супругой единодушно решили как можно быстрее перевести сына в областную больницу, а по пути сделать КТ в платном диагностическом центре.

Всё это оказалось не так-то просто.

Договориться с областной больницей удалось сразу, вернее, наши хорошие знакомые пообещали помочь, но для этого надо было направление. Понятно, что получить его из ЦРБ, а тем более от лечащего врача, поскольку зареченская больница находилась в прямом её подчинении, не представлялось никакой возможности, но тут выручило то обстоятельство, что мы жили в селе, в котором чудесным образом ещё не ликвидировали не только поликлинику, но и больницу на несколько коек, хотя уже и не раз пытались. В настоящее время в больнице даже своего врача не было, а только молоденькая фельдшерша Любаша, которую я, само собой, когда-то крестил, а потом не раз причащал, и даже по заведённой традиции был на выпускном вечере, где по обыкновению сказал несколько напутственных слов.

Буквально на следующее утро стоило мне, заглянув в блестящий стерильной чистотой кабинет, высказать просьбу, как одетая в белый халат Любаша тотчас же на специальном бланке написала направление, только и заметив: «Конечно-конечно! Тем более что вы уже договорились». Записав с моих слов поставленный зареченским хирургом диагноз, она поставила печать и, отдавая мне, с искренним участием поинтересовалась: «Как он там?» Я сказал, что неважно, потому и торопимся, и стал благодарить, но Любаша тут же перебила: «Ну что вы, батюшка, уж для вас-то в любое время, всё, что от нас зависит... Выздоровливайте».

Когда вернулся домой, Катя опять привязалась ко мне с этим несчастным талоном. Надя, мол, спросила, а её Антон.

– Я сказала, что тебе опять не дали, тогда Антон велел передать, чтобы ты как можно быстрее летел в дежурную часть, потому что сегодня последний день.

– А ты сказала, что заявление моё было не по форме?

– Не сказала.

Это испорченное радио мне уже надоело, и я попросил номер телефона Антона.

– Здравствуй, батюшка, – словно только этого и ждал, тут же откликнулся на мой звонок он.

Я спросил, может ли он разговаривать, он ответил, что сейчас на дежурстве, но, пока не сильно занят, несколько минут готов уделить. Я коротко рассказал ему главное и попросил помочь составить правильный текст заявления. Антон ответил, что перезвонит минут через пять, надо, мол, подумать и сформулировать, и ровно через пять минут позвонил:

– Записывай.

По его же совету, кстати, в тот же день я завёл специальную папку, куда стал складывать все заявления, объяснения, свидетельские показания, медицинские справки, направляемые в вышестоящие инстанции письма и их отписки, обращения к губернатору, к депутатам Государственной Думы и даже к президенту России. На все эти подвиги меня надоумил тот же Антон, заверив, что хотя результат от этого будет нулевой, но писать всё равно надо. И впредь по каждому поводу я консультировался у него и о всех наших шагах ставил в известность. Он с первого дня включился в работу и время от времени выдавал разные версии, которые мне даже и в голову не приходили, а также доставал оперативную информацию, которую без него я нигде бы не смог добыть. Одно слово – профи. Антон, кстати, был вторым, кто напомнил про адвоката.

Распечатав на принтере заявление, я взял всё необходимое для соборования сына и выехал в райцентр. За ночь ветер растащил вчерашнюю сырость, и утро выдалось ясным.

На этот раз заявление у меня приняли без разговоров и, наконец, выдали этот несчастный талон, который назывался не «куст», а «КУСП» (книга учёта сообщений о происшествиях), за строгим порядковым номером.

По дороге в Зареченск позвонила Даша и сообщила, что к нам выехала съёмочная группа губернаторского канала, что вчерашнюю передачу уже заканчивают монтировать и сегодня в 19–00 дадут в эфир, а завтра утром повторят. Я сказал, чтобы телевизионщиков принимали без меня и что дождусь их в больнице.

Когда поднялся на третий этаж, где находилось наше отделение, в холле, у большого окна, увидел двух врачей: нашего Балакина, я узнал его по фотографии, которую вчера показала на стенде сотрудников больницы супруга, вторым, как выяснилось потом, оказался специально приглашенный из областного центра нейрохирург, поскольку своего ни в ЦРБ, ни в зареченской больнице не было. Они внимательно рассматривали на свету большого размера снимки компьютерной томограммы и по ходу изучения обменивались мнениями.

Я не стал им мешать и прошёл в палату, находящуюся в конце коридора. В палате было светло от яркого солнца, снежной белизны простыней. На кроватях лежали или сидели больные. Алёшкина койка находилась слева. От стены её отделяла прикроватная тумбочка.

Я сказал: «Мир всем!» и стал облачаться.

Выложив на тумбочку из специального чемоданчика всё необходимое для соборования, дал возглас. Пожалуй, это было единственное таинство, которое больше других зависело от силы молитвы. «Болен ли кто из вас, – говорится о нём, – пусть позовёт священников, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит больного, и восставит его Господь... многое может усиленная молитва». Когда я впервые прочитал эти слова, а они входят в чинопоследование таинства, всякий раз, приступая к соборованию, старался возгревать в себе веру в его чудодейственную силу, как можно внимательнее прочитывая слова длинных молитв, извлечений из Апостола и Евангелия, и само собой слова «тайносовершительной формулы» во время помазания больного освящённым елеем. И было немало случаев исцелений. Я не собираюсь о них писать и упомянул лишь потому, что после соборования сыну стало значительно легче. Перед причастием, во время исповеди, что-то побудило меня сказать на ухо сыну, а точнее всё это само собой сошло с языка:

– Это тебе предупреждение. И, может быть, последнее. Знаешь, почему ты живой остался? Маменька потому что вчера ночью споткнулась и упала в коридоре. С её-то весом! Знаешь, какие у неё синячищи? Вся правая рука и правый бок чёрные! Понимаешь, что это значит? Не понимаешь? А тебе скажу. На себя половину того, что тебе должно было выпасть, приняла – вот что это значит. Не веришь, найди потом в интернете стихотворение Тараса Шевченко «Сердце матери», тогда поймёшь. Мало она с тобой говорила? Слушал ты её? То-то, – и, накинув епитрахиль, прочитал разрешительную молитву, затем дал поцеловать распятие, требное Евангелие и причастил запасными дарами.

Теперь предстоял разговор с лечащим врачом. Я нашёл его в кабинете. И, сразу замечу, что не только вчера впервые увидел его фотографию, но, как и полагается на деревне, уже был наслышан о его семейной драме. Лет десять назад его оставила жена, а судя по всему, он был не из тех, кто имел успех у женщин. Было ему около пятидесяти, как и всякий врач, был он со своей особенностью, в его случае уж очень заметно бросающейся в глаза. Но специалист, судя по разговорам, неплохой. А чего ещё для врача надо?

Он выслушал меня с явным беспокойством и, только я замолчал, стал возражать, пытаясь развеять наши подозрения по поводу исчезновения «перелома основания черепа». Зачем, мол, вам это надо? Я сказал, затем, чтобы знать правильный диагноз, а то был уже случай: лечили одно, у человека оказалось другое, в итоге инвалид.

– Да всё у него будет нормально. Не выдумывайте. На снимках ничего такого нет. Мы уже и вдвоём, и троём смотрели. – И тут он проговорился, что специально для этой цели пригласил из областного центра нейрохирурга.

Я за это сразу уцепился.

– Вот видите, у вас даже таких специалистов нет, а мы хотим, чтобы сын получил квалифицированную помощь и соответствующее лечение. И вообще, это наше право.

Но он продолжал настаивать на своём, не очень убедительно аргументируя это тем, что перевозить больного в таком состоянии опасно, всё-таки он несёт за него ответственность, через недельку, мол, когда станет лучше, пожалуйста, а теперь он на это пойти не может. Даже после того, как я заявил, что готов написать расписку, что всю ответственность беру на себя, он ни в какую не соглашался. Это было в высшей степени странным. Хотя что же тут странного, если его вышестоящая начальница, Червоткина, заявила вчера Кате с Лерой, что другой справки мы не получим? Одним словом – мафия! И я решил: бежать как можно скорее, а то как бы до расхожей поговорки дело не дошло: нет человека – нет проблемы. Поди потом докажи. Мы, скажут, не боги, сделали всё, что могли.

Внизу, в вестибюле, меня дожидались телевизионщики. Они уже взяли у всех интервью, побывали в полиции, в ЦРБ, куда их тоже не пустили, а теперь ещё и в палату к сыну.

Мы выбрали удобное место. Поскольку я знал гораздо больше вчерашнего и про банду, и про бездействие и попустительство полиции, сказал, что по ходу интервью хочу напрямую обратиться к губернатору.

– Хорошо.

И тогда я рассказал всё, что услышал вчера от майора Куклина, в том числе и про отрезанные уши. Говорил эмоционально, убедительно, а в конце заявил:

– Уважаемый Роман Константинович, я знаю, что у вас есть дети, есть внуки, поэтому обращаюсь к вам не только как гражданин одного с вами отечества, но и как отец и дед. Убедительно прошу вас вмешаться в сложившуюся в нашем районе с попустительства правоохранительных органов криминогенную ситуацию. Защитите наших детей, защитите деморализованный страхом народ, помогите отстоять будущее для наших детей и внуков.

Скажу наперёд. Обращение моё в эфир не пошло. Интервью тоже нещадно сократили. Создавалось такое впечатление, что во всей этой жути виноваты одни врачи. Впоследствии это обстоятельство чуть не привело к серьёзному столкновению на столичной телевизионной программе «Пусть говорят». Но не будем забегать вперёд.

Только я вышел из больницы, позвонил Гена и сказал, что со мной срочно желает переговорить Илья.

– Тот самый?

– Да.

Условились встретиться на площади, где каждый год устанавливали и украшали новогоднюю ель. Я знал, что примерно полтора года назад у Ильи умер на зоне от инфаркта отец. Я не был знаком ни с тем, ни с другим, только слышал от зятя, что на зону отец попал впервые в пятьдесят пять лет из-за сына, а точнее, пожертвовал собой ради него. Случай был беспрецедентный, года три назад всколыхнувший всю округу.

Представьте себе тихий, совершенно безлюдный по ночам небольшой городишко, с двумя-тремя основными узкими улицами, от которых ответвляются ещё более узенькие улочки и переулки, более чем на две трети состоящий из деревянных домов, ввиду хрущёвского закона о шести сотках тесно прижавшихся друг к другу. За последние десять – пятнадцать лет на месте некоторых из них воздвигли современные, красивые коттеджи, магазины, кафе, но даже они практически не изменили внешнего облика города. Старожилы говаривали, не так давно по этим улочкам и переулкам бродили коровы, козы, овцы, куры, гуси, бегали ватаги босоногих ребятишек, судачили на лавочках у скрипучих калиток божьи одуванчики.

А теперь представьте, как такую тишину летней ночи взрывает рёв двух мчащихся по центральной улице друг за дружкой легковых автомобилей в сопровождении беспорядочной оружейной пальбы.

Дело заканчивается убийством. И хотя это была защита, отец Ильи получил срок. Я не вдавался в подробности, знал лишь, что после этого Илье пришлось уехать из города, а по какой причине, не поинтересовался. Жил он в областном центре, занимался каким-то бизнесом, изредка навещал школьного товарища, время от времени они перезванивались. Я подумал, видимо, Гена рассказал другу о нашем деле, и у того на этот счёт появились какие-то соображения.

Бывшие одноклассники встретили меня у входа в кафе. Представив нас друг другу, Гена отговорился неотложными делами и уехал на своей патрульной машине.

Илья выглядел богатырём, с модной короткой стрижкой, с иголки одетым, с начищенными ботинками – не сорок ли шестого размера?

Кафе было практически пустым, основное действо тут начиналось вечером, а сейчас было около четырёх пополудни. Мы сели за отдельный столик, заказали чаю.

– Гена мне всё рассказал, и я вот что подумал, – сразу с самого главного начал Илья. – Надо сообща действовать. Добиваться, чтобы подняли все отказные дела за последние пять-шесть лет.

– А что, и ваша история имеет к этому какое-то отношение?

– Прямое!

– Можешь рассказать?

– Затем и приехал. Как и в вашем случае, начали опять они. Как и ваш сын, я им не поддался. Спасло меня то, что был на машине. В клубе от них отбил, в разодранной, без одного рукава, рубашке выскочил на улицу, прыгнул в тачку и по газам. Они за мной. И сразу стрелять. Из двустволки. Сначала заднее стекло разбили, потом левое боковое на задней двери, кузов изрешетили весь. Оба передних сиденья сзади были изодраны дробью в клочья, а в меня ни одна дробинка не попала. Отец на балкон в это время покурить вышел. Чего-то, говорит, проснулся среди ночи и никак не усну. Подымаюсь, говорит, выхожу на балкон, закуриваю и слышу вдруг: бух, бух! Что за хрень? И всё это к дому приближается. А жили мы в тупике, в низине, с балкона вся улица просматривалась насквозь, ну и фонари. Машину, говорит, нашу узнал сразу. А он у нас охотник заядлый. Хлебом не корми, дай по лесу с ружьём пошастать. Во всех отстрелах участие принимал, к тому же капитан бывший, да не простой, а боевой, Афган прошёл. В чём дело – сообразил сразу. За ружьё и на улицу. Если бы во дворе всё это произошло, совсем бы другая история вышла, а он только одну створку ворот открыть успел, когда я перед ними остановился. Те в пяти шагах за моей спиной. Выскакивают. Трое. Хруня с ружьём, Чика да Лёва-псих. Водила на месте остался. Хруня только приклад к плечу вскинуть успел, когда батя ему половину башки снёс. Остальные обосрались, в машину и ходу. Батя тут же наряд вызвал. Приехали. И скорая. Всё осмотрели, замеры, сфотографировали, записали. А в итоге нас же во всём и обвинили.

– И кто принимал участие?

– Сам.

– Ястребов?

– И бывший прокурор, и бывший начальник вневедомственной охраны, у которого Чика работал, а теперь на обоих пашет.

– В каком смысле?

– Ну как? Девочки, наркота... А вы не знали? Одни организывают, другие крышуют.

– А что, у нас даже такое есть?

– Как и на всём белом свете.

– Во-он оно что-о.

– Что, страшно?

– Да не больно весело. Нечего сказать, попали.

– Попали не попали, а выгораживать они своих будут всеми доступными средствами, а у них этого добра больше, чем у каждого из нас, а вот если мы сообщаем, может, чего-нибудь удастся добиться.

– После того, что ты сейчас рассказал, я ещё больше убедился, что Алёшку как можно быстрее надо из зареченской больницы переводить, да вот беда... – и я поведал ему о беседе с лечащим врачом.

Илья внимательно выслушал, тут же достал сотовый, нашёл и набрал номер.

– Андрей Маркович?.. Илья. Как ваше драгоценное здоровье?.. Ничего, спасибо. Я вот по какому делу. – И когда изложил суть, несколько тягостных минут слушал, приговаривая: – Та-ак... Та-ак... Хорошо. Жду. – И, положив телефон на стол, заметил: – Вот, пожалуйста: Карчак, еврей, а человек! Если бы не он, мы бы с вами сейчас не разговаривали. Председатель еврейской общины, член Общественной палаты при ГУВД. Ну кто я ему? А стоило обратиться, и сразу все в наилучшем виде устроил. А мы говорим: евре-еи! Для начала самим надо людьми стать, а потом других судить. Ястребов, что ли, не православный, или бывший прокурор, или бывший полкан этот? Тоже, поди, со свечками, на Пасху да на Рождество в церквях стоят, а что творят?

– А что сказал-то?

– Сейчас перезвонит.

И через пять минут позвонил.

– Записываю. – Тихонько – мне: – Есть ручка? – Я тотчас вынул из грудного кармана авторучку, блокнот, который стал носить с собой. – Завтра, с 9-00 до 13-00 нас будут ждать в 38-й городской больнице. Сказать: от вас. Как вы сказали фамилия профессора? Найвельт?.. Понятно. Спасибо... Да, видно, потребуется. Я вам, если не возражаете, вечером перезвоню и всё расскажу подробно... По гроб жизни обязан. До свидания. – И мне: – Лучшей для вашего случая больницы в городе нет. К тому же кафедра, сами слышали, профессор имеется. Не-эт, всё-таки Карчак челове-эк! Я переговорю с ним по поводу вашего дела, вы изложите пока всё на бумаге как можно подробнее, ну и всё, что по этому поводу знаете. Начальник ГУВД, правда, сейчас московский. Чем-то он там проштрафился, ходят слухи, ну и понизили с повышением, как у нас водится. Но это уже не наше дело. Карчак с бывшим начальником ГУВД, Треушниковым, председателем Общественной палаты, на короткой ноге, а у того ещё и не такие связи. Договорюсь о встрече – позвоню. Вы пока всё приготовьте, а я со своей стороны подсуежусь, к одному бывшему фээсбэшнику смотаюсь. Тот ещё дядя! Ну всё, полетел. Да! Завтра, когда будете выезжать из Зареченска, позвоните. У 38-й встречу.

Это уже какой-то театр ужасов получался, и чем дальше, тем больше мы втягивались в его жуткое представление. Не зря, видимо, я вздохнул. Попали мы действительно крепко, и если бы... Впрочем, я опять опережаю события.

Выйдя из кафе, я зашёл в специализированный магазин, купил флешку и поехал к Даше, чтобы скинуть копию видео. Она его уже посмотрела. Сказала: «Маменьке только не показывай – ужас! И передачу бы ей не смотреть. Скоро дадут».

9

После выхода передачи взорвался интернет. Даша копировала отклики и отсылала на мою электронную почту. Привожу малую часть из них.

Рита Мельникова. 19:30

Мы очень редко ходим в «Форвард» и уже зареклись туда ходить! Это не клуб, а просто ужас. Каждый раз драки, а руководству клуба до лампочки! Там не смотрят, кого пускают! У нас однажды тоже друга жестоко избили, а охрана рядом стояла и смотрела на все это! Человек до сих пор зубы восстановить не может, так как необходимы большие средства! В полиции только руки развели! Беспредел!

Танюшка Шахова. 19:33

Что творится в этом «Форварде» каждые выходные!!! Просто ужас!!! Однажды наблюдала, как мальчишку головой били о трубу газовую и ногами человек 10 пинали, но вовремя милиция приехала, и те сразу разбежались. А парень после этого еле живой остался.

Титова Валя. 19:35

Полностью согласна. Это уже не первый случай, когда данные лица занимаются своими делишками, избивая и уродуя людей, и им ничего не делается. Где наши правоохранительные органы в данный момент, непонятно, подумали бы, что в один прекрасный день это может случиться с их детьми.

Лариса Кудряшова. 19:37

По халатности наших врачей у меня умер брат от язвы двенадцатиперстной кишки. Несколько дней человек корчился от ужасных болей, истек кровью. Патологоанатом сказал, что просто надо было отрезать кусок больного места и сшить здоровые концы. Речь об этом даже не идет, если не могли назначить элементарно ФГС. Не дай Бог никому серьёзно заболеть и попасть в нашу больницу, считай, ты труп. Почему это все безнаказанно?

Валя Титова. 19:39

Растут дети, за них страшно! Люди, не молчите! Хватит прятаться, это может коснуться каждого!

Ваня Кудрин. 19:41

Не надо было на рога лезть. Подошёл бы к охране, и ничего бы не было.

Рита Мельникова. 19:43

По-вашему, когда на меня нападают, я должна сказать, подождите, сейчас охрану позову?

Очень смешно! Бред! У меня вопросов больше нет!!!

Рита Мельникова. 19:47

Даша, я с вами полностью согласна! У моего брата был перелом скуловой кости и тоже говорить он кое-как мог, хотя ему было очень больно в тот момент! Люди ничего не знают, а судят! Терпения вам и вашей семье! Мы все с вами!

ФОТОГРАФ. 19:50

Не видел сюжета. По вашим словам, драка была за пределами клуба, на парковке. Парковка у клуба чья? Может, я там ларёк поставлю? Клуб ведь ни при чем? Или я ошибаюсь? Если на парковке наркотой торгуют, кто отвечает? Так вот, если я ларек поставлю, вокруг будет чисто. Лично мне не хочется разбираться в каждом случае, кто прав, кто виноват, на это менты есть. Что, позвонить и вызвать наряд нельзя было?... Жопу свою прикрывать прекратите. И раз уж получаете деньги от людей, которые хотят отдохнуть, будьте

добры подумать о безопасности этих людей, деньги отработайте, ничего другого от вас не требуют.

Алексей. 19:53

Чего ты несешь?! Как твои слова можно «привязать» в логике топика? Ты будешь около клуба стоять на паперти и тебе там навалают, а клуб виноват? Что есть люди быдло, в этом страну вини, в которой живешь. У них метки на лбу не стоят, кто есть кто!

ФОТОГРАФ. 19:57

Ты мне не тыкай, салага. И на понял не бери, шестерка. Много я вас таких кашей через жору накормил. Ты, чертила, кто вообще? Если один из хозяев клуба, тогда отвечай за то, что происходит в этом притоне бля. Если нет, тогда пасть закрой.

Алексей. 20:03

Аххаахах))) хамло) разговаривать культурно не умеешь, а туда же!)))

ФОТОГРАФ. 20:05

С тобой, что ли, культурно разговаривать? Ах ты, хмырь! Сколько денег, жид, на здоровье русских людей сделал? Наркотой, сучонок, не торгуешь? Или, чмо трусливое, прикрываешь? Пасть закрой, хрен моржовый!

Алексей. 20:08

Аахааха! Сча! Ты кто вообще? Малолетка или кто? Ага, торгую, а ты не знал, что ли? Каждую пятницу и субботу! Брежневик!

Люба Маркина. 20:12

Я стесняюсь спросить: Даша где своих детей рожала, не у врачей, случайно? Не надо всех равнять под одну гребёнку! Все мы не ангелы. Ведет себя как базарная баба!

Даша. 20:16

Ошибаются все. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Это одно. Тут же речь о другом. Когда вашего сына, брата, отца убьют в клубе, где торгуют наркотой, вы не то запоёте. И когда вашего близкого не примут в больнице, тогда вы сможете понять. А пока я вижу только тупость.

Люба Маркина. 20:23

А ЧТО ОН ДЕЛАЛ В 3 ЧАСА НОЧИ В СОМНИТЕЛЬНОМ МЕСТЕ И В ПЬЯНОМ ВИДЕ? ДА ЕЩЁ, КАК Я ВЫЯСНИЛА, СЫН СВЯЩЕННИКА! У ПАПЫ ДВУРУШНИЧАТЬ НАУЧИЛСЯ?

ФОТОГРАФ. 20:31

Надо клуб проверить на наркоту.

Алексей. 20:35

Да кто ты есть?!

ФОТОГРАФ. 20:37

А ты всё понтуешься, чмо?

Сёма. 20:40

Да перестань ты отвечать этому придурю! Не видно разве, что сидит, понтуется, а сам никто! Что-то бы весил, помалкивал бы и не кидал такие необоснованные предъявы! А это вроде во втором часу все было, а не в три.

Люба Маркина. 20:49

СКОРАЯ ПРИЕЗЖАЛА ВРОДЕ БЫ В 3.

Галина Тихонова. 20:51

Посмотрела видео. Врачи, вы позорите своё звание! Ведите себя достойно и ответьте за содеянное преступление! Когда из ушей кровь, что это такое, даже студент знает!

Люба Маркина. 20:53

ВЕСТИ СЕБЯ ДОСТОЙНО НУЖНО НЕ ТОЛЬКО ВРАЧАМ, А И В ОБЩЕСТВЕННОМ МЕСТЕ

ТОЖЕ. ПОЛУЧИЛ РОВНО СТОЛЬКО, СКОЛЬКО ЗАСЛУЖИЛ.

Алексей. 20:55

Когда в марте кукушка Саничева газ пустила, тут сказали, что мне директор заплатил, чтобы я выразил свое мнение, а сейчас оказывается, я наркотой там торгую! Что еще придумаете?

Люба Маркина. 20:57

ДА ЭТИ ЮНЦЫ САМИ И ПРИНОСЯТ!

ФОТОГРАФ. 21:05

Мне 3 уголовных дела пытались повесить на уши, а я сам мусарню по судам-прокуратурам протащил.

Пётр Кудряшов. 21:10

А кто его избил, что за гопники? А ещё надо выставить в «одноклассниках» фамилии врачей, кто не оказал помощь, и фамилии тех полицейских, которые не хотят разбираться в случившемся. Пусть их знает народ.

Олька. 21:15

Это что за гопники такие? Может, вы неправильно выразились? Может, это мажоры местные? Так и на них есть управа, даже в нашем купленном городке!

Даша. 21:20

Вот сейчас написали моему мужу, что нам пиз... Что ноги переломают, что полиция и прокуратура у них куплена!!! Это что за беспредел???

Дмитрий и Марина Рудаковы. 21:29

Девушка, мой совет вам написать в областную прокуратуру, там точно помогут, я вас уверяю! Возьмите выписку у врача и все прочие документы и не откладывайте, а то, возможно, угрозы будут реальны, все «смс» сохраните!

Стас. 21:31

Может, и куплена прокуратура с полицией, но, когда пахнет серьёзным, будут разбираться, я вас уверяю. И потом, вы сами пишете, что свидетелей было больше чем достаточно.

Дмитрий и Марина Рудаковы. 21:35

А вы уверены, что свидетели будут говорить то, что видели? Сомневаюсь.

Стас. 21:37

Там камеры видеонаблюдения есть.

Дмитрий и Марина Рудаковы. 21:39 И что? У наших знакомых ларёк трое из этой банды вскрыли. И тоже камеры стояли. Самые крутые! Видно как днём. Вся тройка в кадре как на ладони, а в полиции на полном серьёзе заявили, что личности установить не представляется возможным.

Баринов. 21:40

*Мой совет родным пострадавшего. Будьте спокойны и уверены. Внутренняя уверенность и сила со спокойствием вам помогут больше, чем метания. Не обращайте внимания на угрозы, **ВЫ ПРОСТО СИЛЬНЕЕ СЕЙЧАС, ПОЙМИТЕ, ЧТО ЭТИ КРУТЫЕ СЕЙЧАС БОЯТСЯ ИМЕННО ВАС, ПОЭТОМУ И ПЫТАЮТСЯ УГРОЖАТЬ. ОПОВЕСТИТЕ ПРОКУРАТУРУ, ЧТО ИДУТ УГРОЗЫ.***

Александр Буланов. 21:45

Верно, если самим не суетиться, то запросто могут дело развалить. По своему опыту знаю. Я уже 3,5 года воюю, чтобы дело о мошенничестве против меня довели до суда. Наконец-то зашевелились, хотя все доказательства я сам собрал и преступников сам вычислил!

Даша. 22:03

Вы просите имена преступников. Я хотела озвучить, но меня предупредили, чтобы не делала этого, а то нас могут привлечь к ответственности за клевету.

NN. 22:05

Скиньте-ка мне весь расклад. Желательно в подробностях и с фамилиями! Не действуют органы, у нас есть «смотрящие». И на мажоров есть управа!

Даша. 22:07

Может, по телефону?

NN. 22:09

Ок!

Александр Буланов. 22:11

Может получится такой вариант развития событий (как в моём случае): первая следователь по фамилии Лугина показала кипучую деятельность, написала ооооочень большую кипу ненужных бумаг, но зато сделала все, чтобы запутать следствие и не получить важных доказательств. Удалось через жалобу в Главное Следственное Управление её сменить. Вторая просто ничего не делала: через месяц у неё был отпуск. Третий оказался трусом. Четвёртая (она же была «вторая») опять бумажки поперебирала. Теперь пятая ведёт дело. Похоже, развязка близка. А вы говорите, будут разбираться! Они будут делать всё, чтобы

развалить дело. Вот если пьяница медный таз украдёт, они сразу его найдут и посадят, да ещё в газетах про это напечатают, вот, мол, как мы оперативно работаем. Когда же что-то серьёзное, они землю будут носом рыть, чтобы развалить дело. Вот увидите, ни одного свидетеля у вас не будет. Не забывайте, где мы живём.

Баринов. 22:20

РАЗ ЭТИ ЛЮДИ УСТРОИЛИСЬ РАБОТАТЬ, ЧТОБЫ ЗАЩИЩАТЬ НАШИ ИНТЕРЕСЫ, ОНИ ОБЯЗАНЫ ЭТО ДЕЛАТЬ!!!

Александр Буланов. 22:25

ВЫ ИХ КОНТРОЛЁР! Мне пятая следователь сказала: «В моих интересах довести дела до суда». – «Это почему?» – «Иначе вы с нас не слезете!» И вы, Даша, обязаны наказать ублюдков, чтобы другие люди не пострадали в дальнейшем, и, разумеется, за себя постоять, а иначе эта мразь вообще вас загонит в угол!

Надеюсь, этого достаточно, чтобы убедиться, что наша история получила общественный резонанс. А то ли ещё будет после выхода передачи на губернаторском канале!

10

Утром я ещё раз сходил в нашу больницу, и Любаша написала другое направление, хотя Илья о нём вчера не упомянул, но мало ли, вдруг понадобится.

По пути в Зареченск мы обсуждали, каким образом лучше всего вызволить сына. Впрочем, это было не так уж сложно. Чего проще? Алёшка потихоньку выйдет на лестничную площадку, переоденется и под видом обычного посетителя спустится вниз. Однако вариант этот Кате был не по душе. И сколько бы я ни убеждал, она отвечала одно и то же: «Ну не хорошо это и всё». И тогда мы решили сразу же по приезде поставить лечащего врача в известность: мол, вы как хотите, а мы прибыли за тем, чтобы забрать и перевезти сына в 38-ю, тем более что нас там уже ждут.

И что же?

Стоило это озвучить, как Балакин тут же изъявил согласие и даже как будто обрадовался. Разумеется, после вчерашнего разговора это показалось странным, однако и ничего предосудительного в этом не было. Подумал, может, всё хорошенько взвесил и решил, что так будет лучше для всех. Настоящая же причина откроется позже и принесёт очередные неприятности, тогда же мы от радости не знали, как этого Балакина благодарить, а он только умилительно сиял в ответ: «Ну что вы, не стоит».

Оформление документов отняло больше часа. Наконец нам были выданы на руки выписка, анализы, снимки, а вот медицинскую карту почему-то не дали. Когда я поинтересовался почему, Балакин заверил, что в 38-й нам выпишут другую, а эта, мол, по правилам должна храниться у них, поскольку с неё могут потребовать копию и в полицию, и в суд, и в прокуратуру, да мало ли куда. О том, что мы тоже имели право получить копию, я тогда ещё не знал. Не знали мы и о том, что из специального журнала исчезла запись о нашем поступлении. Это случайно обнаружил неделю спустя Гена, когда выпала возможность по службе полистать журнал. Антон объяснил исчезновение тем, что при появлении записи с подобным диагнозом по закону автоматически возбуждается дело по соответствующей статье. И, скорее всего, запись либо не делали, либо каким-то образом убрали, правда, непонятно, как это удалось, поскольку такие журналы прошиты, пронумерованы и скреплены печатью. Забегая вперёд, скажу, каким образом запись могла исчезнуть. Оказывается, подобные записи уже не раз

исчезали при помощи такого простого способа: по распоряжению главного врача Червоткиной, например, однажды за ночь был переписан от начала до конца весь журнал. И все.

У больницы нас ждал Илья. Он попросил посидеть в машине, а сам ушёл в приёмный покой. Появился минут через пять и прямо с крыльца махнул рукой. Мы вышли и направились в отделение.

Из смотрового кабинета на этот раз нас не выгнали, правда, разрешили присутствовать при осмотре только родителям. Илья сказал, что ему надо ехать, я поблагодарил за помощь, и мы расстались.

Начался осмотр. Один за другим стали подходить разные специалисты, дотошно осматривать больного и записывать в медицинскую карту всё новые и новые результаты осмотра. Другие снимки делать не стали, заверив, что пока этих достаточно, а на моё замечание по поводу исчезновения «перелома основания черепа» ответили, что придёт время и они во всём разберутся. И я уже успокоился, когда один из смотревших на свету снимки врачей неожиданно заявил, что всё не так плохо, как в выписке указано. Не знаю, с какой целью это было сказано, может быть, для того, чтобы нас успокоить, но меня это насторожило. И как выяснилось потом, не напрасно. Тогда же я сразу взял это на заметку, но расспрашивать о причине такого странного заявления воздержался.

Наконец больного переодели и отправили на лифте на второй этаж. Мы отправились в том же направлении своим ходом, а для этого надо было выйти на улицу и войти через центральный вход. Вскоре выяснилось, что в отделении нет ни одного свободного места даже в коридоре. Мы зашли к заведующему по фамилии Лаврентьев спросить, как скоро оно может появиться. Лаврентьев сказал, что это не от него зависит, а потом как бы между прочим обронил, что есть, мол, свободные места в платном отделении, но...

Мы тут же за это уцепились не только из соображений здоровья, но и безопасности, поскольку вход в платное отделение был свой и в вестибюле постоянно сидела дежурная.

И через десять минут Алёшка находился в чистенькой одиночной палате с небольшой, совмещённой с туалетом душевой кабиной, телевизором, небольшим столиком и бельевым шкафом. Палата запиралась изнутри на ключ. И это оказалось кстати. Я написал заявление на имя главного врача, чтобы в целях безопасности к сыну допускали посетителей только по разрешению самого больного. Алёшке строго-настрога наказал, чтобы никаких друзей-приятелей тут не было. Для связи мы захватили из дома его старый сотовый телефон.

Вечером вышла вторая передача, после которой Дашу, поскольку она вела переговоры со СМИ, стали осаждать уже столичные каналы, а также названивать из разных газет.

– Чтобы информация соответствовала действительности, – сказал я, – давай сразу договоримся: каждый из нас говорит только о том, что хорошо знает, чему был свидетелем, никаких домыслов и фантазий – понятно? А то и так уже обвинили тех, кто в избиении непосредственного участия не принимал, например Гнездилова с Чекмырёвым. Что они имеют отношение к этой группировке, говорить надо и фамилии не бояться озвучивать – Антон сказал.

– А нас не привлекут за это к ответственности?

– За что?

– За клевету.

– А мы сошлёмся на майора Кукулина, и корреспондентка подтвердит.

– А она подтвердит?

– Куда она денется? А если сомневаешься, позвони, спроси.

– А на «малаховскую передачу» – только что звонили – поедет? Они сказали, что и врачи собираются.

– Разумеется. Когда?

– Сказали, завтра перезвонят.

– Лады.

11

На следующий день, 8 ноября, наконец были возбуждены уголовные дела по статье 112, часть первая и статье 158, часть вторая. Мне это ни о чём не говорило. Когда же позвонил Антону, он сказал, что это смех, максимум года полтора или два условного кто-то из бандитов получит. И когда я спросил почему, ответил, что первая статья возбуждена в соответствии с новой медицинской справкой о телесных повреждениях средней тяжести, а вторая – по краже.

– И что?

– Открытое хищение и кража далеко не одно и то же. Твоё заявление не приняли к сведению. Судя по характеру преступления, то, о чём ты говорил и что по телевизору показали, тут как минимум 162-я, разбой, поскольку всё это происходило на виду у большого стечения народа, и телефон одним из нападавших у Алексея был отнят. Но, судя по всему, проведена толковая оперативная работа и в больнице, и со свидетелями. Охранники, как я понял, из того самого ЧОПа (и, насколько мне известно, не простого, а финансируемого из бюджета), начальником которого бывший начальник вневедомственной охраны, у которого Чика когда-то работал, стало быть, говорить будут то, что нужно.

– И что теперь делать?

– А я тебе уже сказал. Ищи хорошего адвоката. Пусть добивается переквалифицирования статей. И ещё, это важно: надо, чтобы Алешка не меньше месяца в больнице пробыл. Пусть не геройствует. На вопросы о самочувствии пусть отвечает, что всё и везде болит, чувствует себя плохо, кружится голова, ночами не спит, аппетита нет, в общем, ты меня понимаешь... Ты это ему обязательно накажи. И пусть поговорит со своими друзьями. И сам с ними поговори. Если они ему на самом деле друзья, надо постараться их убедить, чтобы ничего не боялись, пообещать защиту. Родственник ваш, надеюсь, скажет то, что нужно?

– Разумеется. Всё, что видел.

– Я сказал, что нужно, а не что видел. И телефон ещё один заведи, только не на своё имя, а лучше вообще ни на чьё, на железнодорожном вокзале, в подземном переходе таким хозяйством из-под полы торгуют.

– Зачем другой?

– По нему связь держать будем. Этот могут поставить на прослушку, и тогда меня быстро вычислят, а это нежелательно. Правда, для решения такого вопроса нужно особое решение, но мы же с тобой не знаем, какие у них возможности и кто во всей этой канители замешан. Судя по всему, они делают всё, чтобы не только развалить дело, но и главного фигуранта вывести из подозрения. Такие лица до суда не доживают.

– Почему?

– Знают много. Попытаюсь по своим каналам навести справки. Будут результаты, сообщу. Всё. Удачи.

Только отключил телефон, позвонил Илья и спросил, смогу ли к шести вечера подъехать к драмтеатру.

– Разумеется. А что случилось?

– Скажу при встрече. Да! То, о чём просил, не забудьте... бумагу... туда...

– Понял.

И я засел за «бумагу». Это отняло больше часа. Когда выехал, было уже около полудня, а надо было ещё заехать к Алёшке, чтобы вместе с ним посмотреть видео, на котором он показал бы мне, кто есть кто, а я, в свою очередь, мог бы показать это будущему адвокату, а также взять телефоны его друзей, а заодно ответить на вопросы корреспондента областной газеты, поступившие на мою электронную почту. Для этой цели Миша одолжил мне свой планшет. Для просмотра видео я прихватил Алешкин ноутбук.

Я и десяти километров отъехать не успел, как задребезжал на панели телефон, и я услышал как будто несказанно обрадованный голос:

– Иван Николаевич?

– Да.

– День добрый! Ястребов Павел Борисович, начальник полиции. Можете говорить?

– Слушаю.

– Не могли бы вы к нам подъехать?

– Зачем?

– О вашем деле поговорить.

– Когда?

– Да хоть прямо сейчас.

– Я сейчас в больницу еду. Давайте в другой раз. Я вам перезвоню.

– Договорились.

Я сразу набрал Антона.

– Не вздумай ехать, – сказал он.

– Почему. Интересно же чего скажут.

– Ничего интересного: либо запугивать станут, либо деньги предлагать.

– Да ладно!

– Ты мне чего звонишь?! – тут же взвинтился Антон, нервишки у него были не ахти. – Не веришь, поезжай, только запомни: даже если ни то и ни другое, они тебя всё равно разговоят, всё это запишут, нарежут и так представят в суде, что сам от всего откажешься! Так что не ладно, а слушай, чего тебе говорят! Они академии для таких дел кончали, не сомневайся, отработают в лучшем виде, и не заметишь, как во всём виноватым окажешься!

– Хорошо.

– Бывай.

Вот так та-ак! А по голосу и не скажешь! Ну, просто рубаха-парень! Друг закадычный! Так и хочется перед ним душу распахнуть! Ну и ну!

По пути в больницу заскочил на железнодорожный вокзал и в подземном переходе действительно приобрёл на всякий случай две «чистые симки», а затем купил пару самых дешёвых сотовых телефонов – второй для Алёшки, а вдруг и его номер поставят на прослушку. Затем заехал на рынок и купил фруктов.

Когда вошёл в палату, Алёшка лежал под капельницей. Вид у него был ужасный, и я решил не показывать ему видео – как бы хуже не стало. Сам только вчера поздно вечером тайком от Кати посмотрел. Дочь была права. Смотреть на это было невыносимо. Я просидел около часа как под гипнозом. И глазам своим не хотел верить, что так откровенно по-хамски, без всякого опасения можно вести себя в присутствии видеокамер, охранников и толпы народа. Антон был прав. Вести себя так можно, только имея за собой такую силу, для которой простые смертные не более чем трусливая скотинка, которой можно бессовестно помыкать. И хотя верить в это не хотелось, впоследствии мне придётся в этом не раз убедиться. Да что там, даже «авторитеты», когда до дела дошло, поджали хвосты.

Когда я открыл портфель, чтобы достать планшет, Алёшка увидел ноутбук и попросил оставить, мол, когда себя будет чувствовать лучше, займётся учёбой. Я согласился. Однако видео скидывать с флешки не стал, хотя Алёшка и просил. Я сказал, потом как-нибудь вместе посмотрим. Затем несколько раз воспроизвёл слова Антона по поводу лечения и попросил номера телефонов друзей.

– За-ачем?

– Па-аговорить с ними хочу. Свидетели всё же.

И тогда, заикаясь, с большими паузами, Алёшка рассказал, что звонил Шлыкову. Оказывается, того вызывали, правда, как выяснилось потом, к дознавателю, майору Куклину, ещё

позавчера, но перед этим завели в какую-то комнату, в которой был Чика, и показали видео. Во время просмотра на него кричали, уверяя, что они с Алёшкой сами во всём виноваты, что их самих можно привлечь к суду, и если он не хочет нажить проблем, пусть лучше молчит или говорит, что был пьяный и ничего не помнит.

– И он это сказал.

– Да.

– Вот это друг! – Для наглядности я даже хлопнул по столу, поднялся и стал ходить из конца в конец узенькой палаты. – Вот каких друзей выбирать надо! Так?

– Нет.

– Всё равно давай номера телефонов. Всех. Остальным звонил?

– Да.

– Что говорят?

Алешка с тем же затормаживанием рассказал, что телефон Туманова не отвечает, а Пухову тоже сломали нос и было сотрясение мозга, но он ещё ночью сотруднику полиции сказал, что заявление писать не будет, потому что сам виноват: выпил лишнего и неудачно упал возле клуба.

– Тоже прекрасные друзья! – подхватил я. – Вот с кем дружить надо! Сразу видать: в огонь и в воду! Особенно этот неразговорчивый! Где хоть живут, знаешь?

– Нет.

– Понятно. Как и полагается у закадычных друзей! Где живут – не знаем, где работают – тоже! Отлично! Вот это, я понимаю, дружба!

Крепкая! Как дальше там? «Друг в беде не бросит?» Прямо в точку! Так?

– Нет.

– Эх ты-ы, не-эт!

Сколько было подобных разговоров прежде – и всё впустую! Впрочем, может быть, не совсем. Всё-таки маменьку свою Алёшка жалел и любил. С детства. Помнится, когда Катя пришла с Мишей из роддома, Алёшка, за неделю истосковавшийся по материнской ласке, ухватился за её подол и, округлив глазёнки, враждебно сдвинув к носу брови, пронзительно вопил:

– Дафа кыф, Лела кыф, моя мама!

А потом подросток Миша. И были они до удивления не похожи. Алёшка всё время с правдолюбиво нахмуренными бровями и круглыми глазёнками, а Миша как налижавшийся чужой сметаны кот, с улыбкой до правого уха и хитро прищуренными глазами. Ну, а если напроказят, правды не добиться. Один кричит: «Это Лё-офа!», другой: «Это Ми-ифа». При таком количестве детей трудно было каждому уделить максимум внимания. Может быть, вполне может быть, они его недополучили в детстве. Но в том бардаке, который тогда царил в стране, я постоянно стоял перед выбором: либо – либо. Свободной минуты не было. Как вспомню, с раннего утра и до позднего вечера в заботах. И не столько по службе, сколько в борьбе за выживание. Если кто забыл, напомним. Тогда одним росчерком пера всех сделали нищими. И на селе в те годы все без исключения кормились от земли. Мы не исключение. Ко всему этому стройка. Три с половиной года мы не вылезали из неё и до сих пор ещё не завершили. Всё приходилось делать самому. Ездить с двумя нанятыми за дефицитную, выдаваемую в ту пору по талонам водку мужиками валить лес, а перед этим с такими же пузырями с лесником на разметку, с теми же мужиками вместо трактора таскать волоком освобождённые от сучьев лесины нагруженным брёвнами бортовым стареньким уазиком на опушку леса. Насилу, помнится, выпросил в лесхозе единственный лесовоз-самопогрузчик. Третью нашего леса на пилораме рабочие пропили, но и нам хватило, чтобы достроить дом. В качестве подсобника самому приходилось на самодельном допотопном станке строгать тяжеленные доски для полов, потолков и перегородок, месить и подносить раствор и даже делать кладку погреба, залобков над сараем и гаражом. Тем же бортовым уазиком (нашим первым семейным автомобилем) возить из карьера песок,

который грузили с детьми лопатами, бетонные балки для окон и дверей из Зареченского ЖБК. Это теперь, если есть деньги, тебе всё привезут, а тогда всё было в дефиците, в том числе и транспорт. За шифером, например, пришлось ехать за триста километров. Всё и везде надо было выпрашивать. Везде и всех умолять. Подрясник и скуфейка, которые не снимал, были самыми надёжными союзниками в этом деле. Тогда это было в диковинку. На церковь смотрели с уважением за её былую бесправность и предполагаемую в ней на фоне общего бардака святую нищету и справедливость. Мой вид, с выгоревшим на солнце чёрным сатиновым подрясником и выдавшей виды скуфейкой, как нельзя лучше это иллюстрировал. Таким способом удалось выклянчить силикатный кирпич, обеспечить его доставку, да мало ли что...

Помню, как всем семейством подтаскивали для каменщика кирпичи, поскольку дом был наполовину каменный, наполовину деревянный. Принимали участие и Алёша с Мишей, а было им тогда по пять и шесть лет. И сразу устроили соревнование, кто из них сильнее и больше зараз кирпичей унесёт. Оба в больших, не по размеру изношенных ботинках, после старших дочерей, с незавязанными, таскавшимися по земле шнурками, упрямые до невозможности. Раз скажешь, по одному кирпичу носите, два скажешь. Глядь, а они опять по два, а то и по три кирпича тащат. Ручонки едва держат, пальчики побелели, вот-вот от тяжести завалятся назад или уронят себе на ноги кирпичи, а всё равно прут.

А вообще, как они все старались! И чуть ли не каждый вечер спрашивали:

«Папенька, когда? Папенька, скоро?» И вот наконец, накануне Пасхи, мы перебрались в кое-как обустроенное жилище, с небольшим запасом денег на дальнейшее благоустройство. Деньги в очередной раз добыли, как и все, от собственной земли, вырастив картошку, морковку, лук, капусту, свеклу и продав всё это на рынке. Около гектара земли у нас тогда было. И мы уже вместе со всеми начали вставать на ноги, да подкосил дефолт. Получили подарок от очередного болтуна, который теперь нашим атомом торгует. На его благополучие, разумеется, это не повлияло. Вообще ни на чьё из их компашки. А что им до чужого благополучия? Они и теперь только и глядят, как бы в очередной раз народ обобрать и облапошить. И даже пытаются уверить, что, как и в холодную войну, мы будто бы опять проиграли. Они – может быть. А мы как жили, так и останемся жить на своей земле, запасных аэродромов у нас нет. Правда, у нас теперь и земли нет. Почему? А перекрыли кислород вышеозначенные деятели в нулевые, окончательно лишив село рынка, и практически вся земля заросла березками. И как их только земля носит? Что ни сделают – всё во вред. Впрочем, будет у нас ещё время об этом поговорить.

Я включил планшет, открыл файл и стал отвечать на вопросы корреспондента областной газеты. Это отняло немало времени, к тому же, отослав ответы, буквально через пять минут получил дополнительные вопросы, а ещё через полчаса – статью с просьбой поправить, если что не так. Это ещё отняло время. И всё равно ехать на встречу с Ильёй было рановато, но и в палате сидеть уже не вмоготу.

– Ладно, – сказал, вставая и убирая в портфель планшет, – поеду. Завтра маменька собирается приехать. С врачами сама хочет поговорить. Надеюсь, ты меня понял?

– Да.

12

Площадь у драмтеатра, сама улица, в которую он замечательно, в смысле архитектуры в стиле барокко, вписывался, были моими альма-матер. На этой улице находился университет, филологическое отделение которого я когда-то окончил. Буквально в двух шагах от драмтеатра, на третьем этаже такого же старинного здания, обитала редакция популярной в те годы вечерней газеты, в которой началось моё корпение над гранками полос. Посещение каждой

новой премьеры входило в мои прямые обязанности. Это было время особенное, что бы про него не пели, потому что это было время нашей юности, время больших надежд.

Вы спросите, в чем это выражалось, да ещё в такой застойный период? А я вам скажу. А лучше приведу зарисовку из «подвала» пожелтевшей четвёртой полосы большого газетного формата, написанной под тогдашнего нашего кумира Хэма, как мы его между собой по-приятельски называли.

«Я живу и учусь на самой красивой улице нашего старинного города. Недавно ему стукнуло семьсот пятьдесят. Тут жили родители моего отца. Они приехали сюда из отдалённых деревень в конце НЭПа строить новую жизнь. Оба окончили рабфак. Потом один университет. Мамины родители с рождения и до смерти жили в деревне, в которой я провёл свой детство. К сожалению, оба деда сложили головы на полях Великой Отечественной.

Мои родители – дети войны, хотя почти её не помнят. Им было по шесть лет, когда она началась. Но что-то они всё-таки помнят. Голод, холод, измученные лица матерей, похоронки. Я у них ранний ребёнок. Они были студентами второго курса университета, когда я появился на свет и, чтобы не мешать учёбе, был отправлен в деревню, где жил до школы. А ещё через пять лет появилась моя сестра. Она тоже мечтает учиться в нашем университете, как и я, пишет стихи, любит музыку.

Я играю на шестиструнной гитаре. У нас дворовое трио: гитара, аккордеон и скрипка. В отличие от меня остальные профессионалы. Один закончил музучилище, второй учится в консерватории. Зато у меня самый красивый голос, поэтому я всегда пою вторым. Второй – это главный, второй – это солист. И я солирую, когда мы репетируем во дворе, а потом устраиваем импровизированные концерты на площади перед драмтеатром. Это происходит каждое воскресенье примерно в одно и то же время, как правило, летом и когда начинают ронять первую листву старые липы. Все уже к этому привыкли. Перед нами собирается небольшая толпа со всей округи.

Перед началом концерта, чтобы скоротать время, мы бродим по нашей улице под сенью лип. Время от времени мимо проносятся с нарастающим и убывающим воем, подобно горящим штурмовикам, троллейбусы, шуршат шинами длинные гармошки-экспрессы с последними пассажирами. Потом стихают и эти звуки. Ночь наступает. Сеют во тьму сказочный свет фонари. Мы останавливаемся у тёмных витрин магазинов и «фотографируемся» в их огромных зеркалах.

Затем перемещаемся к освещённому фасаду драмтеатра и начинаем представление.

А поём мы:

«Yesterday, / All my troubles seemed so far away / Now it looks as though they're here to stay / Oh, I believe in yesterday...»

А потом мастерски сделанную на три голоса:

«Александрына! Цапер прыйшла зіма... / Александрына! Шукаю я – няма! / Александрына! І з песняй ты цвіла... / Александрына! Якою ты была!»

И не менее отточенную, с обертонами:

«После дождя деревья распускаются, / После дождя люди улыбаются, / После дождя влюблённые встречаются, / Синют небеса. / После дождя...»

И когда сверху летит из окна: «Хорошо поёте, ребята, но уже поздно, на работу рано вставать. Давайте-ка закругляйтесь», мы кричим: «Спокойной ночи!»

И расходимся по домам.

Улица засыпает.

Ей снимся мы».

И вот я опять на ней. Ещё живы мои родители. После встречи я их навещу. Они уже всё знают, хотя мы им ничего не говорили, чтобы не расстраивать. Сами увидели по телевизору и

сами позвонили. Алёшку они любили не меньше нас. Мама сказала: «Надеюсь, ты этого так не оставишь, сынок». А отец: «Я тут кое с кем переговорил. Заглянешь – доложу».

Я подошёл к афише. Стержневой репертуар не изменился: Шекспир, Мольер, Толстой, Достоевский, Гоголь, Островский, Тургенев, Чехов, Горький, Булгаков, Куприн... Не знаю, изменился ли зритель, но думаю, не очень. А вот театральным деятелям, как, впрочем, и всем остальным представителям творческой интеллигенции, несладко. Да что там, в прямом смысле поставили на колени, а писателей даже лишили пенсионного стажа, приравняв к обществу любителей пива. Не нужны нынешним господам «инженеры человеческих душ». Им нужны нано-и биотехнологии. Да спорт. Да потехи. На экранах телевизоров одни только певуны да скоморохи. Страх ведь как весело теперь на Руси! Хлебом не корми – дай посмеяться! Над собой! Больше у нас смеяться не над чем! Во всём белом свете, оказывается, таких, как у нас, упырей не сыскать! Как с фонвизинских и гоголевских времён взялись хохотать, так до сих пор, для здоровья, разумеется, и надрываем животики.

– Давно ждёте? – послышалось из-за спины. Не оборачиваясь, ответил:

– Всю жизнь.

– В смысле?

Обернувшись:

– Когда всё это прекратится.

– Что именно?

– Издевательство над собственным народом.

– А-а... Может, по чашке кофе?

– А пошли. Как говорится, кутить так кутить.

– Поллитровку на одиннадцать персон?

– А на закуску завтрак студента за две копейки. Не слышал? Ну! Самый популярный в былые времена. Кусок хлеба за две копейки намазываешь толстым слоем бесплатной горчицы, которая имелаась на каждом столе общепита, и запиваешь стаканом бесплатного кипятка.

– Вы так питались?

– Мы так шутили. И дошутились.

– Что вы имеете в виду?

– Да всё то же.

– Понятно, – посочувствовал богатырь.

Кафе было рядом, на втором этаже примыкавшего к театральной площади дома, такое же, как и в прошлый раз, полупустое. Мы заказали кофе, бутерброды с красной рыбой, поскольку была пятница. Всё было дорого – и кофе, и бутерброды. Но у меня с утра не было ни крошки, ни маковой росинки во рту. Илья сказал, что сегодня угощает он, хотя в прошлый раз угощал он же. Я возразил, мол, теперь очередь моя, но он и слушать не захотел, сказал, возведя очи горе:

– Замолвите там за батю словечко.

– Как его имя?

– Николай.

– Тезки с моим отцом.

– У вас живой?

Я сказал, слава Богу, оба родителя пока живы-здоровы.

Напомнил о своём присутствии телефон. Звонили из отделения местной полиции. Сказали, что им пришла информация из 38-й больницы о поступлении гражданина Виноградова А. И. с полученными в результате избиения травмами, и спросили, когда можно больного опросить. Я ответил, что его уже опросили по месту жительства. «И дело возбуждено?.. И «КУСП» имеется?.. Случайно, не с собой?.. Продиктуйте номер». Я достал и продиктовал.

– Из местных органов, – пояснил Илья.

– Понятно, – сказал он. – Пока время есть, давайте о деле поговорим?

– Давай.

– Вот я чего выездил. Только между нами. – Для солидности он даже оглянулся, не подслушивает ли кто, хотя кругом ни души. – О фээсбэшнике, помните, говорил? – Я кивнул. – Сказал, если в суде не получится, он эту проблему решит.

– Каким это образом?

– А вы не знаете, как они это решают?

– Как?

– «Тегеран-43» смотрели?

– Ну.

– Помните, как на глазах у Костолевского грузовик телефонную будку с Белохвостиковой снёс?

– Что, и у нас такое могут устроить?

– Как и на всём белом свете.

– Фээсбэ?

– Вы как будто с луны свалились. Кагэбэ разве не так расправлялось?

– Я думал, мы это уже прошли.

– Вот что значит жить в тундре!

Я сказал, что городской до мозга костей, что родительский дом в двух шагах отсюда и что я не только тут родился и вырос, но и учился и работал когда-то.

– Кем?

– Газетным червём, а потом директором Дома учителя.

– Газеты печатали?

– Печатали.

– А в Доме учителя... училок окучивали?

– Какой ты сообразительный.

– Понятно, – посочувствовал опять богатырь. – О бате, кстати. Если бы те без ружья были, он бы и стрелять не стал. Он бы их и так отделал. В лёгкую.

– А ты что?

– А я лень-перелень, как он мне всё говорил. Нет, здоровьем Бог не обидел, грешить нечего, а в секцию, в самом деле, лень было ходить. Так... руки вместе, бег на месте... обтирание... после бани... Приготовили бумагу? Можно посмотреть?

Я достал из портфеля заявление и протянул ему. Он взял, деловито глянул.

– А шапка где?

– Какая?

– Бумага кому.

– А кому?

– Здрости! Председателю Общественной палаты при ГУВД, Треушникову Валерию Антоновичу. Напишите.

– Ничего, что от руки?

– Да хоть от ноги, было бы написано.

– Понятно, – скопировал я его.

– Х-хы.

Я написал. Он оценил:

– Вери гуд.

И стал читать. И читал медленно, как будто по складам, да ещё слегка шевеля губами. Мне даже пришлось напомнить:

– Нам не пора?

Он оторвался от бумаги, заученным движением вскинул шуйцу с крутыми ходиками.

– И впрямь! Летим!

Сунув под блюдце купюру, одеваясь на ходу, мы сбежали по ступеням вниз, выскочили на уже тёмную улицу и скорым шагом направились к театру, а точнее шагал только он, а я за ним едва поспевал из-за подрясника.

Нас уже ждали в условленном месте двое. Один невысокого роста, плотный, в черном пальто, в шляпе, второй высокий, с военной выправкой, в сером полосатом пальто и такой же кепке. Нетрудно было догадаться, кто есть кто.

– А мы уже уходить собрались... – начал было выговаривать Карчак, но мой подрясник, видимо, произвёл на него успокоительное впечатление.

Илья извинился, представил меня. Я коротко изложил ситуацию, заметив при этом, что полиция делает всё, чтобы развалить дело.

– Каким это образом? – с недоверием остро взглянул на меня Треушников.

Я сказал, что всё подробно изложил на бумаге.

– Где она? Давайте. – Я достал. Он сложил её вчетверо и сунул во внутренний карман пальто. – Всё?

– Не могли бы вы помочь с адвокатом? Хороший нужен.

– Андрей Маркович, кто у нас адвокатурой заведует, Саломтин?

– Да.

– Оставьте телефон. Я с ним свяжусь и вам позвоню.

Я сказал, что телефон имеется в бумаге. Наверное, на том бы и расстались, да Карчак поинтересовался, знал ли я покойного митрополита.

– Ещё бы! Он меня рукополагал!

– Что о нём скажете?

– А что о нём можно сказать? Это был человек с большой буквы! Доступный, открытый и всё понимающий с полуслова.

– Это верно. Мы с Валерием Антоновичем частенько его вспоминаем. Не чета нынешнему, а? Как он вам, кстати?

– Да никак... – ответил уклончиво. – Да и никто он теперь нам. Свой имеется.

– Во-во. И мы того же мнения... Ну, до свидания. Чем сможем, поможем.

Мы пожали друг другу руки, и они ушли. Илья тоже откланялся.

13

– Ты где-э? – спросила Катя.

Сколько себя помню, никогда в интонации её голоса не было и тени упрека или возмущения, вроде того, мол, ты куда запропастился или где тебя черти носят? Всегда тактично-певучее, с одним и тем же подтекстом: переживаю, скучаю, люблю.

Я ответил, что только со встречи с «большими людьми» по нашему делу, но это не по телефону, а теперь иду к родителям.

– Поклон передай.

– Хорошо.

– Позвони, когда выезжать будешь.

– Обязательно.

В былые времена, во всяком случае, до второго ноября, частенько, чаёвничая или просто сидя за кухонным столом, мы взглядывали друг другу в глаза и, ни слова не говоря, начинали смеяться. Не могу сказать о чём, но одинаково весело. Ничего общего в этом смехе не было с тем, которым надрывали животики для здоровья концертные залы. Смех наш был счастливым, совершенно таким же, как в день нашей первой встречи. На этой самой улице, кстати.

Тогда мы оказались одни в совершенно пустом автобусе – в одном из последних в ту незабвенную майскую ночь. Уже цвели наши старые липы, под ними, сквозь круглые чугунные решётки, среди окурков пробивалась молодая трава.

С гитарой за спиной, помнится, я вошёл в заднюю дверь на площади, купил билет у зевавшей во весь рот пожилой кондукторши и сказал весело, потому что был навеселе, поскольку ехал со встречи майских дембелей:

– Мерси, мадемуазель!

– Какая я тебе мадемуазель? – тут же перестав зевать, огрызнулась она. – Ты мне в сыновья годишься, шутник.

– Пардон, мадам!

– И никакая я тебе не мадам, а тётя Клава.

– Виноват! А это, стало быть, дочь ваша?

– Моя в это время давно уже спит.

– Значит, ей не повезло!

– Это почему же?

– А я откуда знаю? Судьба! Тут уж ничего не попишешь!

– Иди давай, умник нашёлся!

В том же приподнятом настроении я прошёл вперёд и расположился напротив сидевшей у правого окна девушки. Она была в светленьком, заманчиво распахнутом плаще, модной в ту пору коротенькой юбке, светло-русые пышные выющиеся волосы на распуск были небрежно раскиданы по плечам, серые глаза светились какой-то беспечной младенческой радостью. Разумеется, она всё слышала, поскольку сидела в трёх шагах, спиной к нам, а говорили мы громко. И, как теперь помню, взглянули друг другу в глаза и сначала одновременно фыркнули, а потом уже все больше и больше заводясь, расхохотались.

– Ещё одна сумасшедшая! – сердито заметила кондукторша.

А мы, не обращая на неё внимания, продолжали весело хохотать всю дорогу. Мне давно уже надо было сойти, но я решил прокатиться. Любопытно же, где такая весёлая леди живёт. Оказалось, на второй, отходившей от центральной площади и тоже старинной, но не такой старой, как наша, улице, в одном из сталинской постройки домов, как потом оказалось, в двухкомнатной квартире с высокими потолками и лепным тяжёлым балконом, на которые почему-то никто никогда не выходил, будто приделаны они были для одной красоты.

Разумеется, она удивились, что нам по пути. И, оглядываясь на меня, уже более сдержанно смеялась, что было заметно по движению дымчатой копны волос.

Возле подъезда с массивной дверью она смеяться перестала и спросила с удивлением:

– И вам сюда?

– А то куда же?

– А вы к кому?

– К вам.

– К нам? Зачем?

– Здравсти! Забыли уже?

– Что?

– Что я вам вчера говорил.

– Когда?

– В семь часов. Вечера. У букиниста. Вы ещё меня в щечку чмокнули и сказали: «Буду ждать».

– А вот обманывать нехорошо.

– Обманывать? Вот скажите, только честно: над чем мы с вами сейчас смеялись?

– И над чем же, очень даже любопытно?

– Над проказами наших будущих ребятишек!

– Кака-ая самоуверенность!

– Не самоуверенность, а телекинез. Я даже знаю, как вас зовут.

– И как же?

– Люся.

– Ка-атя! Телепат.

– Очень приятно! Рядовой Виноградов. Но можно просто: Иван Николаевич. Ради знакомства, Катя, чего вам на гитаре сбацать?

– Ну и словечки!

– Ну спеть.

– Ничего. Поздно уже. – И она взялась за ручку. – А вот идти за мной не надо. Предупреждаю: на весь подъезд завизжу.

Но я всё-таки вошел следом и, подымаясь за ней по лестнице, подначивал, будто не мог в это поверить:

– Вот так вот прямо и завизжите?

– Вот так вот прямо и завизжу.

– Ни за что не поверю! Вот ни за что!

И, чего я никак не ожидал, в районе второго этажа она вдруг остановилась и пронзительно, до сверления в мозгу завизжала. Да ещё при такой акустике. Меня пулей снесло вниз. Однако же я был хоть и бывший, но всё-таки солдат и, притормозив, прислушался.

Сверху до меня летело то с одного, то с другого этажа:

– Катенька, что случилось? Что такое? Кто кричал?

– Да хулиган какой-то привязался. Пока не завизжала, не пропускал. Встал на дороге. Не пушу, говорит, и всё. Ну я и дала.

Поднялся шум. Кто-то дал дельный совет.

– В милицию надо позвонить, может, недалеко ушел! Они ему там покажут, как к нашим девушкам приставать!

Пора было делать ноги, но что-то во мне встало поперёк, и я во всю лужёную армейскую глотку выдал на весь подъезд:

– Граждане, минуту внимания! – и, когда шум утих, официальным тоном заявил: – Это говорю я, ваш соотечественник! Я тоже люблю Родину! И Катю! А она меня! И в этом вся причина! Прошу прощения за беспокойство, товарищи!

– Ах, во-он оно что! Это чей же паренек, Катя? По голосу вроде не наш!

– Слушайте его больше! Говорю вам: хулиган! Эй ты, рядовой Виноградов, слышишь? Не вводи людей в заблуждение!

– Если я рядовой, то уже не хулиган! В советской армии хулиганов не бывает! Граждане, заявляю со всею серьёзностью, я Катю Петьке не уступлю!

Сверху долетело любопытное:

– Катя, это какого Петю он имеет в виду?

– Сама в первый раз слышу! – отозвалась Катя.

– Не ври! – рявкнул я. – Я всё видел! Всё Лидии Степановне скажу!

– Какой ещё Лидии Степановне?

– Кузьмичёвой!

– Катя, это он про кого?

– Иди проспись, болтун! – долетело до меня опять Катино. – Не знаю я никакой Лидии Степановны! Не слушайте вы его!

– Граждане, не верьте ей! Она от любви ко мне с ума сошла!

– Ха-ха-ха!

– Я не шучу! Люблю, говорит, тебя, Иван Николаевич, и жить без тебя не могу! Так и сказала! А я что, я разве против? Хорошо, говорю, люби, иди, на прощанье поцелую! А она визжать! Я так прямо и на допросе скажу! Даже если пытаться станут!

– Ты чей же, такой занятый, будешь?

– А вы меня не узнали разве?

– Нет! А кто ты есть?

– Телевизор надо смотреть!

– Аркадий Райкин, что ли?

– Наконец-то узнали!

– А-а-а!

– Пойдите, а почему он тогда сказал, что его Иваном Николаевичем зовут, Райкин же не Иван Николаевич?

Послышался смех. И сверху прилетело:

– Эй ты, шутник, слышал? Что скажешь на это?

– Это мой псевдоним!

– Иди домой, псевдоним, а то уши надеру!

– Спасибо, я сам! Чего вам для такой ерунды с четвёртого этажа спускаться? Ещё, ненадолго, спуститесь, а назад не подниметесь, а я виноват останусь.

– Это почему же?

– А я откуда знаю? Судьба! Тут уж ничего не попишешь!

– Попугай! – крикнула Катя.

– Спасибо за комплимент. Лечу вить наше гнездо. Да, чуть не забыл! Всех приглашаю на нашу свадьбу! Придёте?

– Придём! Всё, что ли?

– Деньги не забудьте!

– Хорошо!

– Ну я пошёл?

– Иди-иди! Вот насмешили на ночь! Катя, ты, пожалуйста, так больше не шути!

– Простите, Пётр Петрович, больше не буду, только странно, что вы ему поверили, а мне нет.

– Ну-ну, позубоскалили и хватит.

14

Дверь отворил отец. Как всегда, в трико, чисто выбрит, коротко стрижен, сух и спортивно подтянут, хотя годы, конечно, взяли своё. А вот глаза по-прежнему живые, и взгляд такой же цепкий и непримиримый. Первым его вопросом было:

– Ты почему меня с праздником не поздравил?

– С каким?

– Ты знаешь, с каким. С днём Великой Октябрьской социалистической революции.

– Пап, ну сколько можно одно и то же?

– Вот! Поэтому ваша и не взяла.

– А ваша взяла?

– Погоди, ещё возьмёт, можешь не сомневаться.

– Это почему же?

– Потому что мы стоим за справедливость и не служим двум господам, как все эти, в том числе и ваши, лицемеры.

– Пап, тебе ещё не надоело?

– Между прочим, и тебе это должно быть хорошо известно, христианство с построения социализма началось.

– Ты имеешь в виду первую Иерусалимскую общину?

– Вот именно!

– А ты знаешь, сколько она просуществовала?

– Условия потому что были не те. И силёнок у народа маловато.

– Ещё скажи, Маркса с Лениным под рукой не оказалось.

– Не скажу. Всему своё время. Сначала надо было, чтобы народ прозрел. А вот когда он прозрел, тогда где ваши оказались?

– Под колёсами вашего паровоза, что ли?

– Если бы! Тогда бы и вопрос был окончательно решён. А вам, как нормальным людям, поверили, что наши беды – ваши беды, наши успехи – ваши успехи, и даже выделили место под нашим мирным небом, молитесь, коли вы такие отсталые, не препятствуем, а вы всё это время, оказывается, лицемерили да камень за пазухой носили. Умер Сталин, вы опять: ваши слёзы – наши слёзы, не можем обойти молчанием благожелательного отношения к нашим нуждам дорогого Вождя. Ни одна наша просьба не была им отвергнута, и много добра сделано для церкви благодаря его высокому авторитету. Более того! Почти дословно цитирую: «Упразднилась сила великая, нравственная, общественная». Тёзка, между прочим, Алёшкин говорил. Да и второй, правда, тогда он ещё не патриархом, а ленинградским был, на смерть Брежнева, знаешь, чего брякнул? Умер истинный христианин, человек высокой нравственной чистоты... А теперь у вас все прежние благодетели оказались узурпаторами и чуть ли не параноиками. Они у вас правду когда-нибудь говорят?

– Ты это к чему?

– Как после всего этого их слова можно всерьёз принимать?

– А их слова никто всерьёз и не принимал.

– И теперь?

– И теперь, только успокойся.

– Благодарю, – и он насильно схватил и, тряхнув, пожал мою руку.

– Пап, ну смешно, в самом деле, как ребёнок!

Появилась мама. Она была совершенной противоположностью папы. Невысокого роста, кругленькая, но без лишней полноты. К нашим спорам она относилась не то чтобы несерьёзно, а смотрела как на двух ершистых петухов, которые не могли ужиться в одном курятнике, а другого не было. Спорили мы с отцом всю жизнь. В советские времена он с неменьшим жаром поносил своих однопартийцев за лицемерие, словоблудие, цинизм, карьеризм, приписки, очковтирательство, спецраспределители, ну и, само собой, за бардак на заводе, где работал инженером конструкторского бюро. Именно из-за наших разногласий, из упрямства я не пошёл по стопам отца, отказался вступать в партию, когда предложили, из-за чего пришлось уйти из газеты и стать директором Дома учителя. Чтобы это выглядело естественнее, всё-таки это была заветная отцова мечта, я после школы нарочно завалил экзамены на физмат. Отец на это заметил: «У кого не хватает ума, идут служить в армию». Там, где я оказался, действительно большого ума не требовалось. В один из первых дней, например, старшина объявил перед строем: «Художники, чертёжники, все, кто умеет рисовать, шаг вперёд». Я неплохо рисовал и вышел вместе с другими в надежде, что сейчас проверят мои способности и определят на какое-нибудь тёпленькое местечко. И местечко действительно оказалось тёплым. Даже чересчур. Нам тут же были выданы «карандаши», и мы отправились ими долбить бетонное покрытие. Всё это я к тому, что отец тогда оказался прав. И всё равно после службы наперекор ему я подал документы на филологический и поступил. Это обрадовало только маму, она у нас была заядлым книголюбом, хотя работала на том же, где и отец, заводе в ОТК (теперь нет ни ОТК, на самого завода). Отец после этого затаил на меня обиду. И при каждой моей неудаче или несправед-

ливости по отношению ко мне со стороны епархиального начальства высказывал её одними и теми же словами: «Что, не послушался меня!» А вот моим успехам всё-таки радовался, правда, в моё отсутствие, о чём сообщала потихоньку мама, поскольку отец ей строго-настрого наказывал: «Ему не вздумай сказать. Чтобы не превозносился. А послушался бы меня, то ли бы ещё было?» Впрочем, особенных успехов за мной не наблюдалось, так, тут отметили, за то похвалили, «позолоченным крестом наградили», «красивую шапку дали». Но особенной радостью, и уже не скрываемой, было для отца то, что никто из внучат «в попы не пошёл», а из внучек ни одна «за попа замуж не вышла». Это означало, что все они были в него, а не в меня, и всё это мне в наказание за то, что его не послушался. Я с этим спорить не мог. Такое вполне могло быть, хотя и не считал грехом своё тогдашнее послушание по одному тому уже, что на собственном опыте знаю, что такое благодать, простите, но равноценного синонима из современной лексики припомнить не могу. И это одно, если уж на то пошло, держало меня в церкви. Никто и никакими, в том числе и евангельскими словами не удержал бы меня в ней ни минуты, если бы не это. Что это конкретно означает, сказать не смогу, да и нет таких слов, повторяю, а приблизительно попытаюсь изобразить, но чуть позже, когда до этого само собой дойдёт. И сразу признаюсь, есть у меня одна заветная мечта: как-нибудь так устроить, чтобы отца на Пасхальную службу в свой храм заманить, ввести в алтарь и в алтаре причастить, как Иисус своих учеников на Тайной вечери. По Уставу это не положено, но перешагнул же и не раз через этот запрет мой великий тёзка из того самого мятежного града, по окончании Литургии, во время потребления Даров, из собственных рук давая испить из Чаши тем, с кем ему этой самой благодатью поделиться хотелось. И что же? Каждый из них после этого говорил одно и то же, а точнее не находил слов, чтобы рассказать о том, что переживал в эти минуты.

Мама тут же прекратила наш спор:

– Ну всё, хватит, потом наговоритесь, а сейчас быстренько руки мыть и за стол.

– Понял? – не утерпел отец. – А вы уверяете, что с невымытыми руками надо за стол садиться.

– Ты опять всё перепутал, пап. Имеется в виду, если человек не помоеет перед едой руки, грязь дальше живота не проникнет. В худшем случае будет понос, но совесть от этого не страдает.

– Хорошо. На этот раз твоя взяла.

– А ты только для этого Евангелие и читаешь.

– И для этого тоже. Я не дурак, чтобы всякой ерунде на слово верить. Ты вот мне скажи, почему никто из ваших после Петра по воде ходить не научился, а?

– Потому что никому после него такого повеления не было.

– Ладно. Опять твоя взяла.

Всё это происходило во время мытья рук. И я так понял, отец опять надёргал из Нового завета разных мест, чтобы наконец «его взяла». Мама на это уже рукой махнула. Книга была её, и маму он уже давно по всем пунктам переспорил. Да и немудрено, не для красного словца замечу – ходячая энциклопедия. И тем не менее чего-то в его, как у нас выражались, широком кругозоре недоставало, и, видимо, он сам это чувствовал, только признаться не хотел, а иначе стал бы он со мной спорить? Если бы ему всё безразлично было, давно бы уже на всём этом крест поставил.

– Как видишь, и меня в чёрном теле держат, – заметил отец, когда мама поставила перед нами по тарелке постного борща. – Но я не ропщу, лишь бы Алёшка поправился, и даже молиться готов, хотя наперёд знаю, что бесполезно.

– А ты у него спроси, он тебя обманывать не станет, полезно это или нет.

– Ты о соборовании?

– Катя сказала?

– Да нет, Алексей.

– Звонил?

– Звонил. И, кстати, в первую очередь с днем Великой Октябрьской социалистической революции поздравил. В отличие от тебя помнит. Извинился, правда, что вовремя поздравить не смог, но какие могут быть извинения, когда в таком состоянии находился? Между прочим, единственный из всех вас понимает, что принесла миру наша революция.

– Ты нам с мамой лекцию об этом собираешься сейчас прочесть?

– Не собираюсь. А только напоминаю. А то у вас больно головы дырявые. Так вот, наша революция принесла всему миру главное: уважение ко всем униженным и оскорблённым, и притом во всём мире, заметь, во всём!

Кстати сказать, в отличие от нынешних коммунистов китайское экономическое чудо отец считал всего лишь временной тактикой, как и ленинский НЭП, чтобы кого надо в серьёзности намерений убедить, этим воспользоваться, а затем неукоснительно провести свою линию, а линия, по его мнению, могла быть только одна: забота об этих униженных и оскорблённых, и притом о каждом. Когда же я спросил, с чего он это взял, ответил:

– Для этого не надо иметь семь пядей во лбу. Ни в одном государстве, особенно в европейских и у нас в том числе, я не знаю ни одного такого случая среди богатеньких, не из среднего класса, а из тех, которые в перестройку на добре народном, а на Западе на войнах и прочих махинациях до такого материального состояния поднялись, когда, казалось бы, можно жить на одни проценты и самому и потомкам, так нет, они ещё больше стремятся отхватить, чтобы уже так сесть, чтобы и сдвинуть нельзя было вовеки, как будто тысячу лет жить собираются, а иные мечтают народ в бессловесных тварей превратить, как в своё время Гитлер со своими научными экспериментами, либо создать искусственных вместо настоящих людей. Тех из наших, которые жертвуют, в том числе и на церкви, я тоже к этой категории отношу: отдать мизер в расчёте, что тебе предоставят возможность ещё больше грабить, в этом никакого достоинства нет. А вот чтобы отдать всё до последней копейки, повторяю, ни у нас, ни на Западе нет ни одного, да и никогда не будет. Никто из них не в состоянии подняться до такой мысли, с которой века жили и теперь живёт большинство китайцев. А мысль эта не в словах и пустых обещаниях, как у Хрущёва, а в конкретных поступках. У них есть такие люди, такие миллиардеры, которые из самых низов благодаря новой экономической политике в последние десятилетия до такого материального состояния поднялись, оказывается, всего лишь для того, чтобы отказаться от всего нажитого в пользу бедных. Это известный факт.

Мне Алёшка в интернете нашёл, у меня записано имя. А покажи мне хотя бы одного в современной России! Или в Европе! Или в США! Ни одного! Вот тебе и всё ваше христианство! И это говорит о том, повторяю, что большинство китайцев живёт с этой мыслью и только в этом их «жизненная сила», о которой все говорят, а не конфуцианство. У китайцев социализм – религия, у нас выродился в говорильню и поэтому потерпел поражение. Мы, как всегда, ухватились сразу за окончательную фазу и по своей прирождённой нетерпеливости насильно потащили за собой весь народ, а кто не захотел, стали уничтожать или принуждать работать за одну баланду. Поэтому у нас ничего и не получилось, а вот у китайцев получится. Они понимают, что главное – никого не забыть. На что мне, скажи, две машины, два дома, две квартиры, когда у соседа нет ни того, ни другого, ни третьего? Это несправедливо. Об этом и в вашем Евангелии говорится. Имеющий две рубашки отдай одну имеющему. Так?

– Так. А если он не хочет отдавать, отнять силой, так?

– Ой, только не надо мне совать в нос шариковых с швондерами. Дураки, они и в революции, и в социализме, и в демократии, и при царе, и в вашей церкви дураки. Мамонты перевелись, а дураки остались. И шариковы с швондерами ещё ни о чём не говорят. Кстати, ты не задумывался, почему только в нашей литературе такие типы появились? Ничего подобного ни у китайцев, ни на Кубе, вообще ни у кого во всём социалистическом лагере да и во всей мировой литературе нет? Не задумывался? Нет? А я думал.

– И чего придумал?

– А что не просто так Гоголя уморили и заставили второй том «Мертвых душ» сжечь.

– Кто уморил?

– Ваши попы. Вернее, один, не помню, как звали, да это и неважно, главное – типичный представитель вашей породы.

– Ты что-то путаешь, пап. Гоголь, было бы тебе известно, сам себя голодом заморил и при этом уверял, что ему хорошо.

– А что бы он ещё тебе сказал? Преданные делу товарищи даже на пытках своих не сдают. Проверено!

– Ну ты и завернул!

– С тех пор и пошло, – не слушая меня, продолжал он. – Карикатуру напечатали, а опровержение сожгли. И через одну карикатуру приучили народ на самих себя смотреть. Я тоже сначала думал, что это полезно, потому что показывало, какие ничтожества при царизме народ эксплуатировали, а потом, смотрю, и наши писаки за то же взялись, а теперь вообще все кому не лень.

– Что-то не вяжется, пап. Церкви тут какая выгода? Что ей, плохо при царях жилось?

– А ей при всех плохо жилось. Иначе бы не морили себя и не уничтожали друг друга сначала в пустынях, потом в инквизицию, затем в монастырских тюрьмах и в разных сектах. Царство ваше не от мира сего – так на кой он вам нужен? Вы всё передовое вечно гнали. И Гоголь вам больше всех угодил. За ним Щедрин и ему подобные. Всё это вами с дальним прицелом было сделано. И, может быть, даже Гоголь сам это наконец понял, а не потому, что попа послушался. Понял, какую роковую ошибку совершил, да было поздно.

– Тогда бы не сжёг второй том.

– Верно. Но я подумал и решил, что сжёг он его потому, что был всего лишь Гоголь, а надо было быть Пушкиным. Для таких опровержений нужны были другие люди. И они появились. Но и вы не дремали.

– А вы?

– К сожалению, всего лишь на время перехватили инициативу. Но впали в ту же ошибку.

– Какую?

– Не надо было прошлую историю в гоголевском виде представлять. Это наша главная ошибка. Её только один человек заметил и начал исправлять, но вы и его отравили.

– Ты это про кого?

– Про Сталина, разумеется.

– Мы его отравили?

– И вы тоже.

– Да-а...

– Не давай, а слушай, что тебе старшие говорят. Китайцы, между прочим, до сих пор такой линии придерживаются. Да все, кроме нас.

– А мне думается, Гоголь сделал доброе дело, только истолковали его заинтересованные люди неправильно.

– И в чём же это доброе дело?

– В том, что над недостатками можно только смеяться, а не клеймить и жечь, как делали и до и после него, в том числе и вы. Не зря же Пушкин сказал, прочитав первые главы «Мертвых душ», как скучна наша Россия. У него самого она не такая, ты прав. У Пушкина она светлая.

– Она светлая и есть, – подхватил отец. – Горькая она только у вас. И в этом Розанов прав. Россия прогоркла в вашем Сладчайшем Иисусе. Не мир, а только одна Россия.

– Не согласен.

– Это на каком же основании? Не ты ли говорил, что у вас полно таких, которые тем только и живут, что войны предсказывают, а когда они не случаются, утешают себя тем, что

это они отмолили. Было такое? Бы-ыло! Показывают тут одного деятеля. Сначала демократией занимался, а потом свою семью в деревню утащил и ещё три таких же ненормальных сманил. Я не против, но почему сразу – пуп земли? Вот оно ваше воспитание!

В этом была доля истины. Желание затвориться от мира, а точнее от его соблазнов, особенно было выражено именно в нашем народе до сего дня. Отец видел в этом раздвоение личности, а точнее сознания. Считал, что по этой причине («что мы в массе своей духовная нация, во плоти чуть-чуть») ничего у нас и не получается в государственном строительстве, хотя и уверял, что у них всё-таки кое-что получилось. «И получилось именно потому, что в первую очередь от вас отреклись, как от старого мира. Иначе бы воз и ныне там был». Когда же я возразил, что, может быть, всё-таки дело не в нас, с абсолютной убеждённостью заявил: «В вас. И все, кроме вас, это давно уже поняли». – «Стало быть, ты считаешь, ничего разумного на религиозных основаниях построить на земле невозможно?» – «Совершенно верно, – и прибавил, чего я от него никак не ожидал: – Разве что царство Антихриста».

Но вернёмся к разговору на кухне.

– Хватит об этом, – сказал отец. – Давай о деле. Говори, что произошло, чего выездил – мы только по телевизору видели. Внятно, аргументированно, без соплей.

Я рассказал как можно подробнее и всё-таки не утерпел заметить в конце:

– Стоял сейчас у театра, вспоминал наши концерты. А потом как познакомился с Катей. Как будто в другой жизни было.

– Это верно, – вздохнул отец. – И Катюшу действительно жаль. Такая девчонка была! Не думай, не потому, что пятерых родила, а потому, что такому оболтусу досталась.

– Ну конечно! Ты бы из неё маму вылепил!

– И чего же это он из меня вылепил? – подала голос всё это время молчавшая мама, сидевшая с нами всего лишь за компанию за столом.

– Я же сказал: ма-аму! – И, как самый почтенный сын, поцеловал ей руку.

– Ой, хитре-эц!

– Ну, Карчак с Треушниковым, если что пообещают, сделают, ты по этому поводу что думаешь, что собираешься дальше предпринять? – спросил отец, внимания не обратив на мои слова и на мой поступок.

Я сказал про адвоката.

– Это понятно. А делать что?

– А что ещё надо делать?

– Стало быть, конкретного плана нет.

– Пока нет. Ну понятно, Алёшку лечить...

– Ясно. Теперь слушай меня. Я созвонился с руководством землячества. Они готовы помочь. Нужна информация и официальное обращение от вас с Катей. Так, мол, и так, просим оказать содействие. Мы, как дедушка с бабушкой, оказывается, не имеем на это права, я узнавал. Дальше. Звонил в ЦК, самому, ты знаешь кому. Сказал, присылай письмо. Так что садись и печатай, а я отошлю. И в Администрацию президента. С надёжным человеком передам. И лично Колокольцеву. Передадут, не сомневайся. С сегодняшнего дня организуем штаб. Я буду начальником, если не возражаешь, а если возражаешь, всё равно буду начальником. Штаб будет находиться у нас. Чтобы каждый день не позднее 22:00 поступали от тебя доклады, как и что сделал, что выполнил, что не выполнил, понял? А ты чего лыбишься? – напустился он на маму, посмевающую улыбнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.